

В. СПЕСАРЕВ

18+

ГЕЙМЕКЕР

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В. Слесарев

Геймекер

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Слесарев В.

Геймекер / В. Слесарев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Безработные программисты создают виртуальный бордель, «секс-аттракционы» и другие видеоигры. Конструируя игровые миры, герои пытаются понять логику сотворения нашего собственного мира и воспроизвести ее в своих «продуктах». Содержит нецензурную брань.

Глава 1

В тяжкий день, понедельник, Климентий Бурмистров был разбужен в 7 утра. Подал голос дверной звонок. Несмотря на свои 25, Клим определенных занятий не имел, любил поспать, благо спешить было некуда. Обычно он не вставал раньше 10, и никого не ждал.

Климентий нехотя поднялся и влез в домашние тапочки. Открыв дверь, он вздрогнул перегара, накатившего в лицо. В проеме стоял Валера Шнурок – алкаш из соседнего дома. По утрам, где только можно, он стрелял десятку – другую чтобы опохмелиться.

Бедняга страдал. Землистое лицо, покрытое недельной щетиной, опухло, мученические глаза неестественно выступали из орбит, и даже попытка движения ими вызывала у него приступы тошноты и головной боли.

Матюгальники, готовые сорваться с языка, застряли в устах Климентия – они все равно не дошли бы до несчастного. Несмотря на шапочное знакомство, и то, что этот недуг поражал Шнурка почти каждое утро, Климентий не мог не почувствовать сострадания. Как и с любым другим представителем мужского пола, с ним иногда тоже случались такого рода неприятности. К тому же, было очевидно, что вопреки скорби, уже не первый час томившей душу, Валерий проявил деликатность, уместную даже для выпускниц пансиона благородных девиц, дождав-шись семи часов, прежде чем навязывать свое общество ни в чем неповинному комраду.

– На, – выдавил из себя страдалец. Привалившись к косяку, он протянул руку. В ней оказалась измятая газета с небольшим завернутым предметом.

Его движение вызвало беспокойство, словно перед Климентием стоял не знакомый, и, в общем-то, безобидный пьянчужка, способный лишь разбудить ни свет ни заря, да выклянчить сотню-другую, а возникший из темноты злодей с ножом, направленным в его эпигастрий.

Впрочем, для того, чтобы пошатнуться, были причины. Букет ароматов, исходивших от посетителя, оказался богаче, чем показалось вначале, и далеко не все из них были столь же благородны, как лосьон «Огуречный», жизнерадостные, полные утренней свежести нотки которого все же доминировали. Однако не только.

Судя по запаху, исходившему от доходяги, его неблагодарная печень, не оценив изысканности напитка, готовилась бежать от хозяина, а он из последних сил удерживал ее в своих недрах.

В обычное время Михалыч (как, несмотря на возраст, Климентия, звали приятели), ни за что бы не прикоснулся к тому, что побывало в руках Шнурка. Однако сегодня мучения нежданного гостя носили столь эпический характер, что отвергнуть движение его души было равносильно преступлению против человечности.

Клим брезгливо принял протянутый сверток, оказавшийся неожиданно тяжелым. В нем лежало распятие из медного сплава. На вид оно выглядело старинным.

Климентий считал себя не чуждым «изобразительным искусствам». В юности, в те времена, когда этот рынок еще оставался свободным и диким, он приторговывал антиквариатом вроде икон, монет и тому подобного старья. Помня об этом, друзья иногда таскали ему всякий хлам, найденный на чердаках и в кладовках.

С первого взгляда он определил – вещь, попавшая в его руки, достаточно серьезна. Хорошо, что Шнурок принес ее ему, а не в пункт приема цветмета, куда навевывался регулярно. Впрочем, он вряд ли бы вспомнил о Климе, если столь милое его сердцу заведение открывалось хотя бы на час раньше.

Подняв глаза, Климентий изобразил вопрос, хотя и начал понимать, в чем дело. Болезнотому нужно было опохмелиться. Срочно. Иначе жизнь его заканчивалась. Даже со стороны было видно, как демоны глумятся над его телом – долбят зубилом череп, тянут клещами селезенку, отвлекая его от привычных, мыслей о всеобщей несправедливости и язвах текущего режима.

Нужно отметить, что эти душевные раны будоражили Валеру столь глубоко, что если бы он мог передать родному правительству муки, обрушившиеся на его голову, он напряг бы все силы, явил гражданское мужество и не пил целую неделю, совершив самый невообразимый подвиг в своей жизни. Все это увидел Клим в одухотворенно-страдальческих глазах приятеля, и полностью с ним согласился.

Климентий был в меру человеколюбив, хотя и беден, поскольку нигде не работал. Порывшись в кармане, он нащупал одну из двух заветных бумажек по 500 рублей, на которые должен прожить следующую неделю. Чтобы их получить, он несколько дней писал посты о презервативах и грузил их на сайты, по списку, которые, к тому же урчали, если уникальность текста оказывалась меньше, чем нужно. Рерайтинг довел его до озверения. Чтобы выдать искомые проценты, говоря о столь ценных продуктах цивилизации, требовалось недюжинное литературное дарование и упорство. Даже само слово – «презерватив» теперь вызывало у него конвульсии, дерганье век и паралич того самого места, для которого он предназначался. Инфа еще крутилась в мозгах, никак не желая покидать голову. Латекс, ламбоскин, полиуретан. Особенно его мучила «резинка» со вкусом сливы.

«Слива, латекс, ламбоскин! Не пойти ли в магазин?» – третий день трепыхалась в мозгах неведомо откуда взявшаяся песенка.

Почему именно слива? Черт знает! Конечно, он не пробовал. Но этот отвратный привкус Климентий ощущал теперь даже во сне.

Вздохнув, он вытащил одну из с таким трудом заработанных кипюрок и протянул соседу. Тот, шумно сглотнув кадыком, неожиданно шустро выхватил ее и бросился вниз по лестнице, выбивая нетвердыми, скользкими по ступенькам ногами неровную дробь, постепенно затихшую внизу. Судя по скорости, с которой корешок удалился, он рассчитывал получить в два – три раза меньше, чем огорчил вдвое обедневшего Михалыча, на всю последующую неделю лишившегося радостей колбасного чревоугодия, и вынужденного теперь сесть на строгую макаронную диету.

Тихонько прикрыв дверь, Климентий прошел в кухню, где кончиками пальцев отделил распятие от засаленной обертки, пропахшей кильками в маринаде. Киличный амбр, смешавшись с так и не выветрившимся из его мозгов сливовым духом, вызвал головокружение. Сделав усилие, Клим тщательно вымыл приبلуду последней каплей фэйри, с астмоидным хрипом выплюнутой баклажкой, и вытер его ароматической салфеткой, неделю назад оставленной подружкой после протирки кухонного стола, на котором она все же решила выпить свой утренний кофе. Поставив его на подоконник, он распахнул занавески и открыл форточку.

Распятие было католическим и действительно старым. Небольшое, сантиметров 15–20 в высоту, увесистое, покрытое коричневой патиной с голубоватой проседью на внутренних углах и зеленовато-желтушными пятнами по задней поверхности. Оно стояло на ступенчатой прямоугольной подставке, на которой, хотя и с трудом, читалась латинская надпись «Dominus fortitudo», а под ней более мелко «Turris fortissima nomen Domini».

Отполированная временем бронза, ласкала кожу. Бросалось в глаза, что тонкая, можно сказать витиеватая работа не соответствовала дешевизне использованного материала.

Объемный, полнотелый крест, на металлическом теле которого виднелись причудливо переплетенные прожилки потемневшего от горя дерева, контрастировал с нарочито искаженными, как бы невесомо-парящими подкрестными фигурами. Композиция передавала трагизм и экспрессию момента. Несколько излишняя массивность, вероятно, олицетворяла тяжесть грехов человеческих, давящих на плечи Спасителя.

На нижнем ребре реликта стояли несколько затертых клейм, размером с горошину. Вещь явно делали на заказ. Она кричала о запоздалом смирении и покаянии владельца. Образ стоящего на коленях человека, истово молившегося в ночи при тусклом свете лампадки, словно впечатался в ее фактуру.

– Что же ты нагрешил то так, окаянный! – с нежностью подумал Климентий о владельце распятия. – Сколько же веков в кипятке тебе светит?

Он ощутил не слишком уместное участие, происходившее не столько из общего альтруизма, сколько из чувства благодарности судьбе за преподнесенный подарок. Немедля отпустив ни мало его не касавшиеся грехи, Клим принялся рассматривать попавшее к нему изваяние.

В свое время через руки Михалыча прошло немало старых артефактов, пока однажды, связавшись «не с теми» клиентами, он попал в долги. Его поставили на счетчик, и когда месяцев через семь ему удалось выйти из дела, на радостях, (несмотря на немалые финансовые потери и сломанные ребра) он дал зарок никогда больше не связываться с антиквариатом.

Однако, трудно порвать с грехами юности. Увидев распятие и почувствовав, как старая бронза полновесно легла в ладони, он понял, что нарушит обет и оставит себе этот темный, опасный сгусток материи, вместивший в себя страсти многих веков.

Имея за плечами немалый опыт, Михалыч определил его как испанскую или португальскую работу 16–17 веков. Колониальный мастер изготовил ее где-нибудь в Бразилии, на Пуэрто-Рико или Ямайке. Распятие было лучшим из того, что попадало к нему в руки. Миниатюрность размера и особая устойчивость поставки свидетельствовали о его походном исполнении. Очевидно, прежде чем оказаться на российских просторах, оно не однажды пересекало экватор, побывав и под сенью туго натянутых парусов, и в джунглях.

Подобной экзотике, явившейся в богом забытой российской глубинке, находившейся за миллионы парсеков от тех благословенных берегов, Климентий не слишком удивился. В местности, где он жил, по слухам, еще лет полтора назад имелось несколько довольно крупных поместий выходцев из южной Европы, осевших там во времена безумного царя, любившего пьянствовать в кабаках Амстердама, и разграбленных в веселые годы завезенной им же заразы – революции. Поэтому диковины, вроде этой, иногда всплывали из небытия.

Хотя прошедших революций Михалыч не одобрял, но с удовольствием принимал их запоздалые гостинцы, постепенно меняя отношение и к ним самим. Теперь он уже предвкушал, как примет участие в следующей. Корявый, густо зазубренный тесак, наскоро сляпанный деревенским кузнецом в запрошлом веке, с въевшейся ржавью от вовремя не смытой, возможно и скотской крови, с точки зрения его эстетических предпочтений, как раз подходивший для этой цели, уже давно валялся в его кладовке.

Михалыч носился с распятием неделю, почти не выпуская его из рук. Он с ужасом прислушивался к голосам на лестнице, боясь, как бы протрезвевший Валера не заявился за вещцей. Если бы это случилось, Клим был бы в отчаянии. Однако, имея еще не совсем затертый годами опыт, вернул бы ее, так как понимал, что алкаш имел к ней такое же отношение, как японский император к мешку картошки на продуктовом рынке.

За все прошедшие дни Клим только дважды рискнул выйти на улицу. Лишь через две недели присев на лавочку у подъезда, он решился заговорить со всезнающей бабой Машей – сосредоточием местных сплетен.

– Валера, – стрепенулась женщина, – Господь с тобой! Уже десять дней как похоронили! На прошлой неделе поминки справляли!

– Допился, болезный, отмучился, – притворно огорчился Михалыч, пытаясь скрыть радость.

– Какое там, – всплеснула руками бабка, – еще сто лет бы прожил! Убили касатика! Две пули в грудь и одна в голову. А наперед пожгли сигаретами. Вон там, в подвале, – указала она.

Холодный пот прокатился по спине Михалыча. Он понял, что влип ничуть не меньше, чем когда-то в юности.

Впрочем, поразмыслив, он успокоился. Если бы Шнурок хоть что-то рассказал, к нему бы уже пришли. Вероятно, в голове у кореша творился такой беспорядок, что извлечь из нее что-либо путное было невозможно. Клим обрадовался, что дал ему пятьсот рублей – хватавших

на три бутылки. Если бы меньше – неизвестно в какой кондиции бы тот находился, и чем бы это кончилось.

Не меньше Климентия взволновала другая мысль. Попавшая к нему вещица, конечно, была хороша и, по его разумению, стоила баксов 300–500. Немало, в масштабе доходов Михалыча. Однако на убийство (тем более, такое), сама по себе, не тянула. Значит, крестик был непростым. За ним тянулась история.

Взяв распятие в руки, он принялся рассматривать его с удвоенным интересом. Слегка потряхивая, он почувствовал едва ощутимое биение – в подставке имелась полость, в которой что-то лежало.

Скрыть посторонние предметы в пустотах, которые частенько бывают в старых пожитках, довольно трудно. При встряхивании они болтаются. Даже если лишнее пространство заполнено бумагой, тканью или ватой, со временем они усыхают, становятся хрупкими и не могут гасить колебания, которые чувствуют опытные пальцы.

Час ушел на разгадку секретного запора. Наконец пружинка шелкнула, и из полости основания выпал небольшой бархатистый мешочек. На ощупь в нем лежала пара ребристых шутоквин размером с крупную вишню, не слишком увесистых. Значит – не золото.

«Камни» – словно плетью ожгло Климентия. Сердце дрогнуло, глаза покрыла серая пелена, а руки словно задеревенели.

Негнушимися пальцами он долго развязывал туго замотанные тесемки, ожидая найти старые, ни с чем не сравнимые колумбийские изумруды, на худой конец, рубины, неограниченные алмазы или нечто подобное. Однако, к его разочарованию, на стол выпали лишь две истертые игральные кости из оленьего рога, одна из которых оказалась надтреснута почти до основания.

Глава 2

Прошло лет пять. Двое приятелей, сидя в стареньких креслах, с почти до дыр истертой подстежкой, потягивали пиво в небольшой, небогато обставленной квартирке. Из окон девятого этажа виднелся подернутый первыми проблесками сентябрьской позолоты березовый парк.

Темнело. Стая ворон, заканчивая верчений гвалт, устраивалась на ночлег на стоящих рядом березах. В сгущавшихся сумерках болезненно мерцали малиновые огни расплзавшихся по домам автомашин, которые верещая клаксонами порождали под окнами все новые всплески шумных вороньих разборок.

Товарищи жили в соседних подъездах и знали друг друга с детства. В институте они учились на одном факультете, хотя на разных курсах и по различным специальностям. Николай Сычев – приятель Михалыча, закончил его лет семь назад, успев поработать сисадмином, программистом и менеджером в нескольких фирмах, нигде, впрочем, не задерживаясь. Его считали неплохим специалистом, но въедливый характер и нежелание приспособливаться к не всегда обоснованным требованиям начальства, не позволяли ему долго засиживаться на одном месте.

Николай был невысок, но плотен. В юности занимался борьбой, и как многие из его собратьев, имел мятые уши и перекошенный коленкой соперника нос, из-за чего слегка гнусавил. Хотя жена и пилила его, он так и не собрался подправить физиономию. Однако, несмотря на устрашающий вид, напоминавший братков начала 90, Сыч слыл человеком спокойным и незлобивым, хотя иногда, в загуле, любил закосить под бандероса, что у него неплохо получалось.

Его визави – Михалыч, как обычно нигде не работал, кормясь от случая к случаю на ниве веб-дизайна. Несмотря на годы, Михалыч так и не женился. Когда-то он учился на отделении математики, и даже поступил в аспирантуру, специализируясь на пуассоновой геометрии, однако на кафедре закрепиться не смог, и никогда не трудился по специальности. Профессия учителя оказалась ему противопоказана, а живость характера и разнообразные побочные

интересы не позволили заняться серьезными математическими эмпириями, тем более, что в городишке, где они жили, других вариантов для подобного рода работы не было.

Михалыч вел пару блогов в соцсетях, по редким заказам клепал сайты, делал контент для торговых фирм и магазинов, а также подрабатывал внештатным корреспондентом одной из местных многотиражек. Хотя денег там почти не платили, удостоверением газетчика он гордился и демонстрировал его по-всякому поводу. На вопрос о профессии Климентий скромно отвечал – «литератор». Если бы начать жизнь сначала, предпочел бы заниматься «живописью».

Правда, иногда, когда уж очень припирало, он все же шабашил математическим негритосом, делая программки для различных статистических контор, подымая цифровую экономику. Московские связи, оставшиеся со времен аспирантуры, еще не совсем остыли. К тому же, такую работешку тамошние бонзы предпочитали давать не своим, а гастролерам, которые потом не мозолили глаза ни им самим, ни местным прокурорам.

Однако, как всегда, получив за работу крохотную долю списанных его трудами бюджетных средств и заработав пару-тройку нехилых коттеджей для цифрового начальства (не умевшего считать даже на калькуляторе, который, попадая к ним в руки, тотчас же сходил с ума и забывал таблицу умножения), он надолго впадал в депрессию и возвращался в уже упомянутые сферы «частного бизнеса», не столь доходные, но и не так бередившие душу.

Тема неспешного разговора наскучила уже давным-давно. Переговаривались они не столько ради дела, сколько для того, чтобы не сидеть совсем уж молча:

– Как заработать на жизнь? – Николай потянулся, покосившись на жену Аллу, сидевшую рядом на диване, – Кушать хочется, машина рассыпалась, на море не помню сколько уж не был! Душа горит, а дебет с кредитом не пускают! Жена даже тявкать перестала. Приличной работы нет, а за копейки горбатиться противно.

Еще раз взглянув на супругу и убедившись, что та находится в благодушном настроении и пока не собирается задать ему очередную трепку по поводу этого самого дебета, продолжил:

– Может сделаем игрушку, компьютерную? Спецов у нас вон сколько. Большинство не при делах. Юрка Глюкогон на три фирмы пашет, всего тысяч 40 имеет. Но деваться некуда – дети.

Я могу любую программу сварганить. И уже делал. Правда, давно. И помощники нужны. А им платить надо.

Он говорил об этом уже не один десяток раз, оправдывая свое безделье.

Чтобы поддержать разговор, его половина вяло отреагировала:

– Стрелялку? Войнушку? Гонялку? Их миллион!

– Миллион то миллион, но техника развивается быстро. Новые возможности. Качество растет. Даже классные игры устаревают. Да и надоедают они как книжки, или бабы. Каждый день хочется что-нибудь новенького. Алл! Тебе ведь хочется новенького? Каждый день?

Николай попытался сострить, но шутка получилась такая же квелая, как и весь прочий треп. Однако болтать было не о чем, и ленивая беседа продолжалась:

– Рынок большой, динамичный. Кипит и булькает! И расходится на ура! В нашем городе программистов много, институт их штампует десятками. А работы нет. Кто может, уезжает, а кто остается и за небольшие деньги работать согласен.

Михалыч был непротив. Разглядывая пейзаж за окном сквозь золотистую линзу наполненного пивом бокала, затейливо имитировавшего множественные пространства неголономных систем, он оживился и мечтательно произнес:

– Сделаем симулятор! Включил, и ты – президент. Власть, деньги, бабы. Одного снимаешь, другого назначаешь! Хорошо!

Алла – симпатичная блондинка лет 25, с улыбочивым от природы лицом, теперь, впрочем, отмеченным печатью глобального экономического кризиса, сидела рядом в накинутом домашнем халате и мягких тапочках. Она, со смешком, подлила ему пива:

– Тебя посадят сразу! Неделю не протянешь!

Михалыч согласно кивнул, но продолжил:

– Не президент, так султан турецкий. Янычары, невольницы, танец живота! Одного назначаешь, другому голову долой.

Он оторвал от лица плавник и, посасывая его, представил смуглую талию полуобнаженной гречанки, танцующей под завывание дудука перед сидящими на подушках басурманами. Изогнутые почти до полукруга, сабли валялись рядом. Чуть выступавший из ножен, клинок тускло мерцал узорчатой дамаской сталью. Представив математический алгоритм, корректно описавший греческие и арабские синусоиды, возникшие в его воображении, он вздохнул и продолжил:

– А что, я готов поработать. Серьезно. Много денег не попрошу. Даже в долг, если перспектива будет! На себя возьму – сценарии, персонажи, визуальные образы. Игровой интерьер и реквизиты всякие. Могу сделать эскизы видеорядов, раскадровку. Рисую неплохо, фантазией бог не обидел. Естественно, матобеспечение, если понадобится.

– А я вела бы бухгалтерию, была бы на подхвате, – Алла не то, чтобы оживилась, но выполняя обязанности жены, сочла необходимым в очередной раз возроптать на безделье супруга, впрочем, пока без рукоприкладства.

– Не зря же пять лет мучилась. Экономическое образование есть, а экономить нечего.

Она ткнула в бок мужа:

– Мужик попался заваливающий. Толку как от барана непородистого – ни шерсти, ни мяса. Из всех достоинств одна рожа. На цепь посадить, так и собаки не нужно – всех распугает.

Увидев, что ее слова не произвели должного эффекта, она добавила:

– Вот сдам в аренду, будешь знать!

Выполнив супружеский долг, Алла нехотя поднялась со стула, выключила засвистевший чайник и приготовила очередную чашку кофе.

– Конечно, неплохо бы игрушку сделать. Да где взять деньги на проект? Сами не потянем. Этого оглаеда кормить нужно. Каждый день, – кивнула она на благоверного.

– Вот пойду на панель! Или мужика заведу небедного!

Поскольку это заявление, как и прочие, не произвело впечатления, она продолжила:

– Заведут жену, удовольствие получают, а содержать нет! Дядя должен!

– Какое удовольствие, – буркнул Сыч, оценив дистанцию между ее рукой и своим ухом, – жена вовсе не удовольствие, а удобство.

Увернувшись от ее разящей ладони, он добавил:

– В моем возрасте «на двор» ходить стремно.

Однако, Алку было трудно заставить сменить тему, тем более такими глупостями:

– Позвонили бы Кристинке, – в очередной раз она попыталась побудить их к действию, – баба пробивная, неглупая. Понимает и в деньгах, и в играх компьютерных! Тусуется с солидными мужиками! Может и вам мозги вправит!

Кристина – симпатичная брюнетка 27 лет, племянница мэра. В вузе училась в одной группе с Ником. Имея связи и пробивной характер, неплохо раскрутилась в последние годы, владела аутсорсинговой фирмой. Используя институтские знакомства, вела несколько стартапов в IT-сфере, успешно доила бюджет, выводя кафедральные разработки за пределы юрисдикции универа. Естественно, с ведома его руководства. В свое время круто тусовалась с обоими парнями, как и со многими другими, но замуж пока не собиралась.

Кристина не заставила себя упрашивать. После окончания вуза она, хотя и отдалилась от ребят, но дружбы с ними не обрывала. Через пару дней после звонка, по старой памяти, она забежала на огонек.

– Прожекты! Прожекты! Этих прожектов... – жестом она изобразила степень своей занятости.

– Впрочем, все начинается с малого. Если есть желание, попытаться не грех. Рынок действительно динамичный, все сожрет. Для начала больших затрат не нужно. Коллектив, как я понимаю, уже есть. Хотя и, прямо сказать, неважнецкий, дерьмовенький. Ни связей, ни амбиций, ни квалификации. Даже в инете ничего надыбать не можете. Из ценных ресурсов – одна только задница, к долгому сидению привычная.

Единственный плюс в том, что я вас знаю как облупленных. А вы меня. Поэтому, в принципе я готова рискнуть. Если дело пойдет, персонал доберем без проблем.

С некоторой иронией она посмотрела на присутствующих:

– Ну что, девочки и мальчики, давайте попробуем! Но учтите, если вы действительно хотите заработать, пахать придется самым серьезным образом. Я за вас надрываться не стану. Если на это рассчитываете – зря.

Договоримся так – я топ-менеджер, вы – трудящиеся массы. Я топаю, вы работаете. И учтите, что топать я буду как следует, по-взрослому. Гонять и в хвост, и в гриву. С вами по-другому нельзя. Да вы и сами знаете!

– Знаем, Кристиночка, знаем, – Алла воодушевилась, – мы за них в два хлыста возьмемся. Я этим балбесам и дома покоя не дам. Только возьми их в команду. Ведь не пьют, не курят. Не дураки. А толку никакого.

Кристина вздохнула и подвела итог:

– Ладно, попытаем счастья. Грех и мне с этих дебилов ничего не поиметь. Они хоть клячи худосочные, но все равно не должны простаивать. Пусть работают!

Нисколько не обидевшись на характеристику, Сыч и Климентий закивали, подтверждая готовность работать этими самыми, внушавшими отвращение трудящимися массами. Куда же деваться, если господь мозгов недодал.

Убедившись, что ее слова восприняты верно, Кристина продолжила:

– Но учтите, проектов у меня немало. Времени на вас останется немного. Так что цените. И предупреждаю, если финтить начнете – сожру, не пожалею! И не думайте, что удастся разжалобить. По старой памяти.

Но это, к слову, это лирика. Теперь к делу. Давайте концепт. Подробный! Набросайте идеи. Начните с того, что уже есть на рынке. Сделайте анализ. Каких игр много. Каких меньше. Чего не хватает. На что нужно сделать упор. Желательно оценить финансовые потоки по каждому направлению. Это, во-первых.

Во-вторых. Что предлагаете вы? Чем это лучше того, что уже есть в продаже? Отразить, что такого особенного будет в самой игре, взаимодействии с клиентами и технологическом обеспечении. Не менее трех новаций. А лучше больше.

В-третьих, подробно, способы монетизации. Мы собираемся делать не игру, а деньги. Имейте ввиду, что сборы за счет прямых продаж в этом бизнесе не главное. Важно привлечь клиентов. Потом, контекстная реклама, баннерные и тизерные сети, CPA, монетизация файлового трафика, продажа ссылок и так далее. Каждую из позиций нужно проработать отдельно – с кем именно, на каких условиях и т.д.

На каких пользователей рассчитаны игры – страна, язык, пол, возраст, ориентация и так далее. Подробный список ожидаемых рекламодателей и стратегия взаимодействия с ними. Все это нужно иметь ввиду еще до начала работы.

Другие источники дохода. Хотя бы приблизительная оценка возможной прибыли. Такие статейки я видела, если найду, скину адреса. Нет, ищите сами.

Подробно – финансовые проводки. В каких валютах, из каких стран, через какие сайты и платежные системы. По каждому виду отдельно! Как станет платить клиент, как рекламодатели. Как будут выводиться заработанные средства. И так далее. Это не полный перечень.

Думайте сами, что еще может быть интересно инвесторам. Думайте, думайте, думайте! Бедные и голодные должны трудиться! В поте лица!

На все даю неделю. Сделаете, будет предмет для конкретного разговора. Тогда об этом я потолкую с солидными дядьками, может что и прокатит.

Гарантию дать не могу, но какие-то деньги нарою. Наверняка! Сфера финансово интересная. Больших начальных затрат не требует. Сроки реализации проектов не годы, а месяцы. Окупаемость месяцев 6–8. Возможные доходы безграничны.

Это я наметки даю, чтобы вы мысли эти в проекте отобразили. Из слов моих золотых ничего не забудьте!

Кристина неодобрительно посмотрела на присутствующих:

– Сидят три балбеса, рот открыв. Нет, чтобы ручку взять да записать, что умные люди говорят. Лень! Обо всем мне думать приходится! Чтобы не забыли, о чем говорили, я записала на диктофон. Завтра сброшу на мейл. Трудитесь, а у меня дел полно. Вечером самая работа.

На следующий день, в кабинете директора одного из региональных банков за журнальным столиком сидели трое. Двое немолодых, серьезного вида мужчин не спеша потягивали Макаллан под неторопливую беседу:

– Игра, Кристиночка, дело хорошее. Не слишком дорогое, и деньги быстрые. Сейчас этим многие занимаются. Тебе здесь и карты в руки. Ты ведь информатику заканчивала в вузе? Всех знаешь, в теме ориентируешься. Можешь проконтролировать. Лапшу тебе на уши не развесить. Это плюс.

Команда у тебя есть? Хорошо. Не кафедральные? Еще лучше. Имей в виду – там у тебя перебор. Слухи ходят. На стороне – надежней.

Уже что-то делали? Какой результат? Как быстро можно запустить? Когда окупится? Чем отличается от всего прочего, что уже есть на рынке? Их ведь пруд пруди. В чем рекламные преимущества?

Мужчины задавали множество вопросов и внимательно слушали объяснения, согласно кивая головами. Кристина говорила об объемах рынка сетевых и дисковых игр, уровнях зарплат и других финансовых затрат в странах, с наибольшими объемами их выпуска, о количестве незанятых специалистов.

По всему выходило, что небольшой 300 000 тысячный город, университет которого ежегодно штампует полторы сотни IT-специалистов, не находящих работы, является оптимальным местом для создания фирмы этого профиля.

Наконец, директор банка, Кирилл Петрович Феоктистов подвел итог разговору:

– Ну, ну подумать стоит. Возможно, что и выйдет. Эта тема представляет интерес с расчетом на долгую перспективу. Зарплаты у нас ниже индийских и китайских, программистов пруд пруди. Есть факультет и спецы действительно высокого уровня. Так что есть резон выстраивать фирму при условии, что удастся собрать хорошую, работоспособную команду. А первая разработка это покажет.

Только ты, Кристиночка, поподробней подготовься – сюжет-бюджет, окупаемость, прибыль! Бизнес-проект, как обычно. Ну да ты и сама знаешь. Слова одно, а когда можно прочитать, посчитать, подумать – это другое. Приведи своих архаровцев, мы на них глянем краем глаза и побеседуем.

Да поболтай с дядюшкой на эту тему, может им в «Белом доме» какие программки нужны. Статистика там, делопроизводство, курлы-мурлы. Через нас оформим. Соберем группу, распишем, как нужно. Он нам заказ – мы ему натуру. Кругооборот воды в природе. Для него – деньги невеликие. Заодно и нашу мелочевку оплатит, а мы через тебя учтем его интересы. Как обычно, один к четырем. Ради тебя, конечно, красавица, такие льготные условия. Отработаешь. Плюс четверть твоя. И все в шоколаде.

Повторная встреча состоялась через месяц. За это время Кристина выжала все соки из новоявленной команды, заставив работать по 15 часов в сутки. Труд оказался не напрасным. К концу третьей недели сформировалась база документов, которую не стыдно было показать инвесторам.

Кристина разложила листки бумаги:

– Мы подготовили технические сценарии нескольких компьютерных игр, рассчитанных на разную возрастную аудиторию и группы по интересам. Среди них наиболее перспективными мне представляются:

1. «Бордель». Эротическая игра для молодых и не очень молодых людей;

2. «Император». Игра заключается в захвате, удержании власти, расширении территории, богатства и могущества, а также, что самое, на мой взгляд, интересное, наказании противников. Тюрьма, порка, отсечение головы и так далее. Очень большой выбор и реалистические картинки. Рассчитана на широкую аудиторию, от детей до пенсионеров. В качестве персонажей в нее можно помещать индивидов, по желанию самих клиентов. Химичка, жена, сосед, начальник, всеми нами любимые депутаты... Очень полезная игрушка. Психологи говорят, что способствует релаксации, снижает артериальное давление и деструктивные потенции.

3. «Демидург». Игра о сотворении мира, или даже лучше сказать разных, всевозможных миров, какие кому понравятся.

В рамках каждого из направлений разработаны варианты и ответвления, удовлетворяющие интересы более частных аудиторий. Каждая из игр построена по модульному принципу и может выставляться в бизнес-позицию уже в минимальной комплектации. Затем дополняться опциями и сюжетными линиями в режимах самофинансирования. Такой подход уменьшает сроки выхода на рынок и суммы первоначальных затрат.

Каждая игра, на сегодня, имеет стартовый уровень разработки, с точки зрения маркетинга, программирования и арт-обеспечения. Их готовность, по существующим стандартам, оцениваем в 4–5 процентов – типовой уровень перехода процесса создания продукта с инициативного на плановый, финансово обеспеченный этап работы. Разумеется, это касается программ невысокой сложности. Однако считаю, что в качестве первой пробы, имеет смысл начать с чего-то простого и обкатать все, начиная с проектирования и кончая выводом полученной прибыли.

Определены игровые сетинги, программные коды, движки под каждую разработку. Для каждой из игр созданы презентационные арт-объекты – скрипты, арты, заготовки 2D и 3D моделей. Господа инвесторы могут ознакомиться с документацией, в которой представлены технические характеристики, сюжеты и образцы арт-объектов. Эти материалы вы можете использовать для экспертных заключений.

Кристина передала Феоктистову увесистый том с множеством страниц, таблиц, формул, забавных и красиво оформленных рисунков и фотографий.

Мужчина принял фолиант и, внимательно перелистывая, осведомился:

– Как быстро окупится ваша бодяга? В четыре месяца уложите? – и, реагируя на удивленное шушуканье команды, продолжил: – Почему мало времени? Два месяца на подготовку, два на раскрутку. Еще месяц, чтобы выйти в ноль. А иначе овчинка выделки не стоит. На такой расклад рассчитывайте, если беретесь.

Дав присутствующим время, чтобы проникнуться сказанным, он заговорил:

– Я предварительно прикинул, инет посмотрел, с друзьями посоветовался. В принципе, заняться этой сферой можно, но при условии, что есть команда надежная, квалифицированная, дисциплинированная и с большим желанием работать!

Кристина за вас ручается, это хорошо. Но вы – люди взрослые и должны понимать, что если договоримся, за те деньги, которые мы в вас вложим, будете отвечать головой. Соскочить

не получится. Так что вы еще раз обдумайте со всей серьезностью. Оцените свои силы, возможности и желание.

Теперь о деле. После первого разговора с Кристиной, я потратил несколько дней на изучение и маркетинговую оценку рынка. Вчера заказал исследование в одной из фирм, специализирующейся на этой деятельности. Отчет подготовят через неделю. По его результатам определимся с объемами и направлениями финансирования, а также принципами распределения прибыли. Считайте этот заказ моим первым вкладом в наше предприятие.

Однако, раз уж мы собрались сегодня, сообщаю, что при наличии еще 2–3 партнеров, готовых финансировать проект и разделить риски, я могу принять в нем участие. Партнеров я подобрал и получил предварительное согласие. С чем вас и поздравляю. Это важный этап в жизни каждой коммерческой организации.

Один из них сегодня присутствует. Я с удовольствием его представляю. Он указал на солидного, лет 50 мужчину, сидевшего в кресле поодаль. Тот, склонив голову, поприветствовал присутствующих, подтверждая сказанное Феоктистовым.

– Так вот, – продолжил патрон, – насколько удалось оценить этот рынок, начать нужно с порноигры. Это наиболее просто и быстро, и с финансовой точки зрения перспективно. Для школоты и не только, пойдет на ура! Девочки – мальчикам, мальчики – девочкам, то се, пятое десятое. Главное, обеспечить должную рентабельность.

– А может сделаем игру про римского императора, или падишаха, или самого бога? – вклинился Климентий, пытаясь использовать предложенный шефом стейл.

– Что-нибудь про Сотворение Мира. Сотворил господь то, сотворил се? Или про царя – пошел царь Салтан войной, отнял Крым, или еще чего. Мы подготовили с десятков сценариев! Алгоритмы, персонажи, образы, геймплейн и даже базовые программы.

Он передал инвесторам еще одну толстую пачку распечаток.

– Про бога задумка хорошая.

Феоктистов говорил медленно, весомо выделяя каждое слово, но в речи его присутствовал едва заметный сарказм.

– Богом побыть неплохо. Сидишь в кабинете. Скучно. Почему не потыкать в кнопки и не сотворить чего-нибудь эдакое. Еву, например.

– Данилыч! – обратился он к мужчине, сидящему в кресле, – ты бы сотворил Еву? В рай! Еще голенькую!

Молодежь хихикнула с в меру выраженным подхалимством.

Данилыч хохотнул тоже. Однако, подыгрывая Феоктистову, изображая скуку в голосе, нарочито вяло промолвил:

– Сотворить можно, но проще вызвать секретаршу.

– Конечно, – согласился Феоктистов, вновь принимая бразды правления разговором:

– Однако, про бога потом. Это для нас, для старичков, у которых деньги есть, а заняться бывает нечем. Одна беда, нас таких мало, да и платить мы не любим. Предпочитаем, чтобы платили нам!

Поэтому, начнем с порно. Виртуальный гарем или бордель. Думаю, это несложно. Дело недорогое, быстро окупится. А там посмотрим. Если прокатит, продолжим сотрудничество и по другим направлениям.

И обращаясь к секретарше, добавил:

– Светочка, налей-ка ребятам по маленькой. На посошок.

Глава 3

Максиму Макдееву было 27 лет. Родился он в самом начале 90, с 14 лет жил в Европе, сначала частная школа в Англии, потом экологический факультет в Берлине.

Его мать погибла в автомобильной катастрофе, когда ему исполнилось 12. Она была самым близким человеком в его жизни, самой прекрасной женщиной, которую он знал. Ее

умное, тонкое лицо, спокойный и мудрый взгляд, стройная фигурка с натянутой, как тугая струна, спиной навсегда запечатлелись в памяти мальчика. Она словно солнце изливала душевное тепло на мужа и единственного сына, но, вместе с тем, никогда не бывала с ними приторно сладкой. С врожденной мудростью и твердостью, в непростой жизненной ситуации того дикого времени, она формировала принципы их внутрисемейных отношений.

В те далекие, почти мифическими годы, жизнь была нелегка. Максим помнил, как недолгие периоды относительного достатка, сменялись месяцами безработицы и безденежья родителей.

Однако даже в то время она смогла превратить их дом в островок надежности в сбесившемся мире. Атмосфера спокойной любви, наполнявшая его, несмотря на бури, бушевавшие за окном, была целиком ее заслугой.

Она могла успокоить и вдохновить и его отца, неоднократно терявшего с огромным трудом и риском заработанные деньги, и его самого, ведя через конфликты юности, многократно обостренные волною накипи, поднявшейся с глубин человеческих душ.

Именно благодаря ей, а не вечно занятому отцу, озабоченному лишь выживанием семьи, Макс не стал ни бандитом, ни наркоманом, как многие из его друзей и одноклассников.

Проведя их через тернии невзгод, она погибла в автомобильной катастрофе, когда жизнь только-только начала налаживаться, обретя определенный достаток. Отец все-таки сумел построить небольшой бизнес.

Оба переживали потерю тяжело. Отец выдержал только потому, что не мог оставить сына наедине с этим беспощадным миром. Как выжил Макс? Так, как выживают дети в подобных ситуациях. Однако с тех пор, небольшая фотография матери всегда занимала самое главное место в его комнате.

Несмотря на то, что лучшего родителя, чем его отец, даже представить было невозможно, их отношения складывались непросто. Они не находили тем для разговора, имели разные интересы. Как ни пытался старший наладить контакт со своим отпрыском, получалось только хуже.

Большую часть времени на каникулах молодой человек посвящал тусовкам и путешествиям. В Москве он проводил лишь пару недель в году, не задерживаясь ни на день больше, чем необходимо.

Отец – владелец строительной фирмы среднего масштаба, впрочем, не возражал. Сделав множество попыток сблизиться сыном, он понял, что хорошие отношения на расстоянии – максимумом того, на что он мог рассчитывать, надеясь, что с годами ситуация изменится.

Впрочем, учился Макс без проблем, пил и гулял в меру. Из наркотиков, кроме травки, ничего не употреблял. Словом, и он был почти идеальным сыном, имевшим неплохие перспективы, хотя и не разделявшим интереса к отцовскому бизнесу. В свое время, когда Макс выбирал профессию, отец всеми силами старался сориентировать его так, чтобы со временем передать ему фирму. Однако этого не случилось, и теперь он радовался хотя бы тому, что его настойчивость не привела к полному разрыву их отношений.

Учился Макс с интересом, не прилагая чрезмерных усилий. Не упускал он и тех возможностей, которые давали ему молодость и родительская стипендия.

Специализацией он избрал морскую экологию. На старших курсах, он даже занялся научными изысканиями, а проходя аспирантуру выдвинул собственную теорию глобальных климатических изменений, опубликовав несколько статей в околонучных журналах.

Несмотря на несколько легкомысленное отношение к избранию специальности, его выбор оказался верным. Климатология и экология отвечали его душевному складу.

С раннего детства – любитель нырять с маской, он видел, как изменился подводный мир за те 15–20 лет, которые он помнил. Он застал еще времена, когда обширные коралловые поля, занимавшие мелководья тепловодных морей, переливались всеми красками радуги, загадочно мерцающая в солнечном свете, выглядели как цветущий сад в начале лета. Теперь большая часть

кораллов погибла. Их серые обломки неопрятными грудками валялись под водой. Разноцветные обитатели исчезли. Некогда кишевшие жизнью, рифы превратились в почти безжизненные пустыни.

Хотя и на земле за это время тоже произошли перемены, на глаз они были заметны мало. Темпы же деградации океанических экосистем казались поразительными.

Размышляя над этой проблемой, он проводил часы в лабораториях, библиотеках, перед экраном компьютера, изучая и сравнивая множество таблиц и диаграмм с сотнями показателей. Оценивая влияние на океан различного рода природных факторов и человеческой деятельности, Максим пришел к выводу, что климатические изменения не только в море, но и на суше связаны с ростом морского судоходства.

Графики увеличения тоннажа морских судов в 19 и 20 веках, их суммарного трафика, объемов перевезенных грузов, гораздо точнее совпадали с диаграммами роста температур, кислотности вод, снижением океанической биомассы и видового разнообразия, чем кривые повышения концентрации парниковых газов. Эти данные давали четкие корреляции не только в глобальном масштабе, но и в регионах Средиземного, Карибского и Южно-китайских морей и других областях активного судоходства.

Можно дискутировать по поводу того, какой из факторов действовал губительней, однако то, что движение крупных судов вело к изменению климата на планете, было неоспоримо.

Проведя немалый объем теоретических и натуральных исследований за счет небольших грантов, он обнаружил, что особенно пагубно на океан влияло увеличение размера и мощности судов, а также диаметра и скорости вращения их гребных винтов. Наиболее точно наносимый ими вред отражал предложенный Максимом показатель, который он назвал – *Kilvaterny active trail dimension (KATD)* – объем активного кильватерного следа, т.е. количество воды, испаряемой судном в процессе движения. По его данным выходило, что любой корабль с водоизмещением более 5 000 тонн являлся убийцей океанических экосистем.

Максим пришел к выводу, что поверхностный слой океана представляет собой сложное образование, подобие кожи, придающей ему стабильность. Судоходство разрушает эту структуру, превращая ее в «простую» мелко размолотую воду, оставляя океан беззащитным.

Еще в 19 веке состояние «океанской кожи» было таково, что след от прохождения даже небольшого парусного корабля водоизмещением в сотню тонн, не имевшего винтов, а только скользившего по глади моря, оставался видимым на его поверхности в течение многих суток и даже недель. Сегодня эта защита оказалась перепаханной судами и перемолотой их гигантскими винтами в такой степени, что после прохождения танкера водоизмещением в половину миллиона тонн, кильватерный след исчезает уже через несколько часов.

Несмотря на очевидность приводимых аргументов, подкрепленных надежной статистикой, его работы не находили не только практической поддержки, но и положительных откликов в среде теоретиков.

Сначала это удивляло Макса. Однако консультант одной из его работ при встрече объяснил, что свобода судоходства и морской торговли незыблемо укоренилась в менталитете европейцев, не менее, чем приверженность индивидуальным свободам.

Богатства европейской цивилизации обязаны судоходству. История Европы последнего тысячелетия есть история мореплавания – географических открытий с захватом и разграблением целых континентов; торговли – обмена стеклянных погремушек на золото и рабов; захвата территорий и уничтожения аборигенного населения; военных компаний, подчинивших им две трети мира.

Судоходство и сегодня выступает в качестве краеугольного камня глобализации и их экономического благополучия. Поэтому, любое исследование или теория, направленные на дискредитацию или ограничение мореплавания, не могут даже обсуждаться.

Он намекнул на то, что если данная проблема попадет в круг его интересов, это поставит крест на его научной карьере, сделает нерукопожатным, точно так же, как если бы он усомнился бы в разумности борьбы с педофилией.

Макс считал себя европейцем, но русский менталитет, воспринятый еще в прошлой жизни, ничего не сообщал ему о свободе судоходства и морской торговли.

Глава 4

На следующий день после совещания с инвесторами, новоявленная команда собралась на квартире у Ника и Аллы. Несмотря на то, что уровень будущих доходов обозначался туманно, все пребывали в приподнятом настроении. Хотя все они и знали друг друга и бяко, и всяко, однако новая, не совсем обычная сфера предстоящей работы все же добавила адреналина в их кровь. Они с интересом и как-то по-новому рассматривали друг друга.

Кристина, на правах начальницы, взяла слово:

– Ну что, порно так порно. Это конечно не совсем то, на что я рассчитывала. Но что делать. Если живешь среди козлов, придется бекать!

– Хорошо хоть козлы есть, – не выдержав распиравшей ее радости, брякнула Алла, – а то бы совсем тоска.

– Это ты про что? – удивился Ник, глядя на супругу.

– Это я про все сразу.

Кристина усмехнулась и произнесла ехидно:

– С девушками понятно! Они, как всегда, за. Что думают мужчины насчет порнушки?

– Ядреное порно – незаменимый витамин для мужского организма, – бодро отрапортовал Литератор.

– А если за это еще и платить будут, мы и сами поучаствуем, и жен к процессу привлечем, – в тон ему добавил Николай.

Широкие общественные круги только что назначили его главным программистом предприятия. Несмотря на то, что став главным, он так и остался единственным, Сыч возгордился и величал себя теперь не иначе как Программистом.

– Ну-ну, красавчики, тогда вперед! Мобилизуйте внутренние резервы. И интеллектуальные, и гормональные. Готовьте к употреблению эротические фантазии и определяйтесь с базовыми программами.

– Будет исполнено, госпожа начальница! – Программист был доволен новой ролью. Много месяцев он чувствовал себя никому не нужным деклассированным элементом безо всяких перспектив. Теперь положение менялось, его слова что-то значили, тем более, в своей новой роли он выступал сразу в двух качествах – как программист и гуру эротических фантазмов, в обеих ипостасях будучи незаменимым.

– Первое предложение уже есть. Для секс-игрушек нужно делать периферийные устройства с программным обеспечением и с завязкой к компьютеру. Без этого не обойтись. Для полноты ощущений!

Алла и Литератор загоготали.

– Чего смеетесь, придурки. Простые гляделки – только для малолеток докомпьютерного возраста. Но этот возраст кончается раньше, чем появляются деньги! Поэтому они нас не интересуют.

Что же касается платежеспособных мальчиков и девочек, могу сказать следующее. На рынке эти устройства практически отсутствуют. Сделав их, мы выйдем на новый уровень. Тем более, что это не проблема. Для телок полуфабрикаты уже есть. В любых секс-шопах. Их нужно только компьютеризировать. С мужиками придется повозиться. Но это не проблема.

Я подумал об этом сразу, когда шел разговор с инвесторами, но постеснялся сказать!

– Какой стеснительный! – Кристина не оценила щенячьего энтузиазма Николая.

– Он, значит, стесняется, а мне с мужиками этот вопрос обсуждать придется! А после этого еще их и трахнуть? Для лучшего понимания проблемы!

Программист смутился. Эта точка зрения в голову ему не приходила.

– Ты уж прости дурака, Кристиночка! Но эти девайсы и сами по себе дуром раскупаться станут! А уж в сочетании с программным обеспечением, игрой и видеорядом отбоя от заказов не будет!

Алла, которую только что зачислили в команду коммерческим директором, имея ввиду, что она займется бухгалтерией, делопроизводством и тому подобной оргработой, подвела итог:

– Периферия действительно нужна. С ней эротические культмероприятия гораздо интереснее. Даже попробовать захотелось.

Одно дело самой с вибратором возиться, другое дело, через экранную игрушку. Там и мужик на выбор, и анимация, и автоматика. Плюс выбор сюжета. Да и много чего еще...

Я думаю это совсем другие ощущения. По мне – так это лучше живого мужика.

Алла ехидно посмотрела на мужа и добавила:

– К тому же его кормить не нужно. А это еще четыре оргазма каждый день.

Тут же сменив тон, она заключила:

Но это и новые затраты, и новая сфера деятельности, которую нужно забивать в уставные документы. Не только программные, но и инженерные разработки, и экспериментальные работы с биологическими объектами. Так можно сформулировать. Для фирмы это плюс. Однако с инвесторами согласовывать придется. Если Кристине этого делать не хочется, я могу обсудить этот вопрос с Феоктистовым.

– Еще чего, – лицо Кристины повеселело. – Общение с инвесторами – моя сфера ответственности. Но на будущее договоримся, чтобы на меня все не вешали. Пора вам, мальчики, становиться взрослыми и решать проблемы самим! Впредь прошу подходить к вопросам такого рода с большей ответственностью и заранее информировать меня о своих мыслях.

На следующем совещании, после обсуждения финансовых вопросов, уставных документов и задач организационного характера, Кристина рассказала Феоктистову о предложении программиста насчет периферических устройств к секс-игрушкам. Она сделала обзор уже имевшихся гаджетов подобного рода.

Действительно, как говорил Программист, предложение этого товара на рынке оказалось скудным. Идея прекрасно вписывалась в общую концепцию, имела неплохую финансовую перспективу, тем более, что выпуск оборудования можно было наладить на малозагруженных местных производственных базах. Она позволяла иметь прибыль не только от лицензионных контрактов и сетевого трафика, но и непосредственно от производства и продаж.

Выслушав предложение, Феоктистов проявил интерес, необычный для мужчины его возраста и положения:

– А что, можно попробовать. Я о таких штуковинах вообще не слышал. Будет забавно, да Данилыч? Ты бы купил такую, а? Чем черт не шутит!

Однако, Данилыч сомневался:

– Как это, мало девайсов? А секс-куклы? Сейчас каких только нет: и роботизированные, и компьютеризованные, и какие хочешь.

Кристина ответила:

– Действительно, кукол много. Это направление развивается быстро. Мы здесь отстали и вряд ли выйдем в лидеры. Но мы предлагаем другое. Мы видим наше преимущество не в имитации тела, а в моделировании сознания.

Душа – фирменный объект русской ментальности. Именно ей мы и планируем заниматься. Главным образом.

Непосредственный предмет нашей деятельности – эротические фантазии, а физические приспособления – предлагаемые нами девайсы – это лишь необходимые дополнения к ним, усиливающие реалистичность нашего восприятия воображаемых образов, это посредники между мыслями и телом.

Простая же кукла, пусть и самая сложная, всего лишь неодушевленный предмет для снятия эротического напряжения.

Мы же предлагаем это напряжение сначала «вырабатывать», и лишь потом удовлетворять. Одной куклы для этого мало. Иметь ее совсем неплохо, но не как бесчувственную вещь, а в качестве фантома эротических реминисценций.

– Замысловато. Но в целом задумка понятна, – Данилыч кивнул, по его лицу было видно, как он прорабатывает нарисовавшиеся в его воображении технологические цепочки, начинающиеся с производства и кончающиеся реализацией готового продукта.

– Думаю – риск небольшой. Да и сам по себе этот рынок интересен. Прогореть тут сложно. Тем более, как я понимаю, то, чем мы собираемся заниматься, выступает сразу в двух качествах. Это, одновременно, и продукт, и его реклама. Попробовать можно. Сложностей я не вижу – не слишком замысловатая электроника, электрические и электромагнитные приводы, силиконовые оболочки. Без проблем. Возможность производить эти аксессуары на местных базах мы имеем. Уже сейчас я могу составить список необходимого оборудования и его владельцев. Ни один из них не откажется от лишних заказов.

– Пусть попробуют, – буркнул Феокистов, – мы их!

Его лицо покраснело:

– Давно хотел сделать что-нибудь путное. Не просто воздух лопатить. Это конечно не самолет, но ...

Феокистов выглядел как-то странно, видать и у него где-то наболело:

– Вся радость – огреб да вывез! А там чего? Что косолазые, что пиндосы – все равно найдут, как зажевать. Придумают! Не сразу, так лет через десять, может двадцать. Вот и жди! Не тут, так там. Там отнимут, здесь посадят. Скорее всего, на кол. С родным прокурором на пару. Так и живем – баб дерем. И пожалиться некому.

А вам завидно, поди? – с укоризной он посмотрел на присутствующих, но поняв, что это не тот контингент, который мог бы оценить его душевные муки, замолчал.

– Одна проблема, – Данилыч нахмурился. Они с Феокистовым понимали друг друга с полуслова.

– Если заказать у китайцев, выйдет вдвое быстрее и втрое дешевле! – хохотнул тот, – и ни какой мороки! Заниматься производством в нашей стране имеет смысл только с одной целью – деньги простирнуть! У вас их много?

Столь радикальная смена настроения патрона не понравилась Кристине, однако она постаралась развивать достигнутый тактический успех:

– Какую периферию будем делать, господа инвесторы, и мужскую, и женскую?

– Сначала мужскую! Правда, девки, думаю, тоже не откажутся.

– Не откажутся. – Кристина изобразила на лице легкое смущение.

– Что же из этих ваших... лимбутасов станем ублажать электричеством? Господа инвесторы! Вам виднее.

Мужчины, попыхивая сигаретами, ехидно поглядывали друг на друга:

– Ну, естественно, причинное место. И морду.

Кристина изобразила официантку, принимающую заказ у клиентов:

– Так, гаджет на лицо с тактильным воздействием и запахами? А на руки нужно?

– Наверно, душа моя, как же в этом деле без рук! Сама понимаешь!

– Тактильные ощущения и все такое?

И сооротив комично-обиженное выражение лица:

– Так, только для мужиков? А для дам? Напомню, что по статистике 70% выручки секс-шопов приходится на женщин! Дамский рынок гораздо круче мужского!

– Много хочешь, милочка, – Феоктистов пыхнул сигаретой, – последние деньги отжимаешь. Пока мужиками ограничимся. Здесь нам все понятно. С девками уже потом разберемся. Ищите технаря и заказывайте. Я – главный консультант.

Следующее собрание происходило в новом помещении, арендованном только что зарегистрированной фирмой. Кристина решала вопросы быстро, без крохоборства. Помещение сняли в новом офисном здании, в центре города. Оборудование закупили и ввели в эксплуатацию. Мерцали экраны мониторов, мебель и обстановка располагала к творческому процессу. Компьютеры последних моделей были готовы к работе.

– Ну что, дамы и господа, – Кристина обвела присутствующих взглядом, призывающим оценить ее усилия и приступить к ударному капиталистическому труду:

– Порно так порно. Какие соображения, господа мужчины? Готовы ли ваши интеллектуальные и прочие для того потребные органы потрудиться на ниве порнографии? Не надорвутся?

– Если хорошо кормить будете! – Сыч соорудил прикольную гримасу, отчего его лицо, и так впечатляющее, стало таким гротескным, что все расхохотались.

– Я рада, что трудящиеся массы имеют такое прекрасное настроение, – тон Кристины стал деловым, – Однако к делу. Давай предложение по сюжетам, – обернулась она к Литератору, – как там все это..., – она повертела рукой, пытаясь найти еще не слишком привычные выражения. – Кто, с кем и в какой позиции.

– Уже работаем, – Литератор положил на стол несколько исписанных от руки листочков.

– Варианты сценариев: Гарем султана, Бордель в Париже, Тайский вояж, Рынок секс-рабынь в Дохе.

Парни загоготали. Очевидно, предварительное обсуждение сценариев проходило у них бурно и весело:

– Все сразу?

– Я тоже готов, – Николай сделал усилие и заговорил серьезно, словно собирался делать программу для подсчета привесов на свиноферме.

– Софт для оцифровки будущих видеорядов скачен и модифицирован под наши потребности.

Однако его показная суровость еще больше развеселила общественность.

– Ладно, ладно, успокойтесь! – продолжил Николай. – Я серьезно. Вопрос. С чего начнем? Каких девушек станем делать – мультяшных или живых? Кстати, нужен дизайнер. А если работать с мультяшками, понадобится еще и художник.

– И с теми, и с другими можно сделать много интересного! – Литератор мечтательно закатил глаза.

– Но живые, пожалуй, лучше!

– Конечно лучше! – Алла начала входить в роль экономиста. – Девочек что ли мало, еще и новых рисовать, деньги тратить. Живых девать некуда. Половина свои причиндалы пристроить не могут. Месяцами простаивают! Не находят потребителя.

Поразмыслив, мужчины заключили, что действительно для базовой версии нужны живые женщины. Впрочем, рисованных цыпок, которые тоже будили их воображение, они решили оставить на потом и добавить в процессе обновлений.

– Тогда нужно искать девчонок для оцифровки.

Программист поднял глаза на Кристину.

– Мне самому заняться этой проблемой? Или ты возьмешь ее на себя?

Кристина кивнула, признав, что вопрос является организационным и находится в сфере ее обязанностей.

– Девушек отснимем спецаппаратурой, в движении, – пояснил Программист.

– Это даст живую пластику, для начала. Дальше их процифруем и офотошошим. А потом используем в симуляторе для имитации секса. Кстати, нужно отснять и несколько мужиков.

– А с интернетовской порнушки этого сделать нельзя? – поинтересовалась Алла, – в миллион раз и дешевле.

– Можно! Но только, после базовой оцифровки. С ее помощью сделаем программные скелеты, скомпонуем стандартные статические и динамические модели. На основе базовых точек я сделаю программу для интерактивной анимации.

После этого можно обвешивать скелеты «мясом», словно собирая конструктор. Это мясо возьмем с инетовских сайтов. Берешь фото, запроваляешь в него скелет, включаешь программу и фото оживает!

Но скелеты должны быть нашими. Это базовый элемент. Его необходимо сделать на самом современном уровне. В инете таких не намылишь. Их даже купить сложно. Но я сделаю.

– Мда, – Кристина казалась озадаченной.

– Нужны девочки. Нужен кастинг. Кто этим займется?

– Девочками – ты. Кастингом – я, конечно. Душа моя, ведь их нужно сразу цифровать.

– И я, и я тоже, – Литератор радостно потер руки, – мне же нужны впечатления. Для вдохновения!

– На это понадобятся средства! – Голос Кристины снова стал недовольным.

– Да какие там средства? Мы с Ником их и задаром найдем. Поманим киносьемками... десятками прибегут. Если, конечно, Сыч их не распугает. А то сделает такую морду, как сейчас, они и разбегутся. Вместе со мной.

Косясь на Аллу, которая вдруг надула губы и отвернулась, Программист нарочито деловым тоном возразил:

– Шутишь все. А я серьезно. Кого-то и задаром найти можно, но если хотите качества, то нужны элитные красотули, а лучше – профессионалки. Хорошее бесплатным не бывает.

И еще, все это нужно юридически грамотно оформить, а то потом, когда деньги с игры пойдут, с ними делиться придется. Не расплатишься. Засудят.

В качестве мужиков и мы с Михалычем сойдем. Если конечно фирма заплатит.

– Кобели бессовестные, – Алла все еще дулась на мужа.

– Для оцифровки вы не подойдете по мелковатости достоинств, – Алла не смогла сдержать ни язык, ни раздражение (всех остальных баб она любила меньше всего на свете, и когда речь заходила о них, у нее обычно портилось настроение), – Игра должна восхищать, а не давить на жалость!

– Не переживай, Аллочка! С первой же зарплаты я тебе подарочек сделаю! – Попытался задобрить жену Сыч, – ты чего хочешь?

– Лучший подарок от мужа – отрицательный анализ на гонорею! Его и принесешь после оцифровки! – сурово ответила Алла. Но смягчилась, учтя позитивный настрой мужа насчет подарка, сразу же подав мысль:

– Возможно, к кастингу можно привлечь инвесторов. Данилыч, судя по всему, это дело любит! Глаза масляные, так и раздевают. Заодно и оплатит удовольствие.

– А я за это учту его эротические пожелания. В сценарии, – с энтузиазмом отозвался Литератор.

– Ну что, Кристинка, раскрутишь дяденек на бабки? Польстятся кобели на молодые задницы? – Алла почему-то укоризненно посмотрела на мужа, и не удержавшись, повела нижним торсом, намекая на то, что и у нее эта часть тела вполне пригодна к употреблению.

– И ведь польстятся, сволочи! Скажут потом, что для пользы дела!

– А что, попробовать можно, – улыбнулась Кристина.

Глава 5

Михалыч сидел, закинув ноги на соседнее кресло. Сегодня он решил поработать дома. Вискарь малыми порциями перемещался из бутылки в его желудок, разливаясь по телу волнами тепла. За окном, суетясь, чирикали воробьи, радуясь тому, что дни стали длиннее, а февральское солнце припекало. Капель громко барабанила по карнизу. Через оконное стекло разошедшееся светило согревало Климентия и морило ко сну. Ночь он провел в инете, исследуя контент, соответствующий профилю новоявленной профессии, понемногу качая его в качестве задела на будущее.

Однако пора выдавать и собственную продукцию. Ник и Кристина уже не раз напоминали об этом, желая убедиться в его эротических талантах.

Литератор попробовал сосредоточиться и поймать соответствующее расположение духа. Призывные улыбки на губах и прочих заинтересованных частях тела инетовских девок еще мельтешили перед глазами. Но, судя по всему, обилие их было чрезмерным, и возникший вначале интерес угас.

Климентий напрягся, пытаясь его возродить:

– У нее такая жопа – он вспомнил припев какой-то привязчивой песенки. – В общем, я ее люблю!

Но нужное настроение не приходило.

«Это зима, авитаминоз. Нехватка света», – подумал он, попытавшись сосредоточиться на женских прелестях еще и еще, но безрезультатно.

Поднявшись, он извлек из старого рюкзачка, среди прочего хлама, валявшегося в кладовке, старое испанское распятие, некогда купленное у алкаша из соседнего дома. Открыв тайник, он достал упрятанные там старинные игральные кости. Михалыч любил перебирать их, словно четки. Отполированная временем поверхность приятно холодила кожу. Она, казалось, вибрировала, стараясь дать выход некогда впитавшимся в нее энергиям. Иногда это помогало разбудить воображение.

Он представил их вековую историю – таверны на райских островах, где под хохот продажных женщин, их бросали на необструганные, залитые ромом доски из загадочных тропических деревьев; цветастую ярмарку на Эспаньоле, где купленные с утра рабы, предназначенные для работы на рудниках Порт-о-Пренса, за неимением наличности, вечером проигрывались в трехкостное качито; бордели Тортуги, в которых, пришедшие из рейса, пираты Тича – «Черной бороды» спускали награбленные богатства, пиратские бригадины, где с их помощью разыгрывали захваченных женщин...

Однако сегодня виски и бессонная ночь не способствовали полету фантазии. Его глаза закрылись.

Климентий очнулся на берегу реки. Ее неширокие спокойные воды текли вдоль круто изогнутого в излучине пляжа. Облака висели в глубине белесовато неба. Солнышко припекало, согревая мокрое после купания тело, покрытое крупными, редкими мурашками.

Он был один. Дом его бабушки, где он проводил почти каждое лето, стоял недалеко, за холмом. Каникулы продолжались вторую неделю, и он потихоньку начал забывать про дурацкого Пифагора, съеденного кем-то Кука, все эти жи и ши, вперемешку с непонятно зачем изобретенными запятыми и многоточиями. Слава богу, все эти напасти были далеко, и еще долго могли оставаться в пыльном плену заброшенного в кладовку портфеля.

Климентий, в очередной раз, не спеша пересчитал вверенное ему поголовье. Деревенское стадо было невелико. 8 коров, да еще голов 20 овец и коз. Пасли его по очереди. Сегодня – черед их дома. Этим летом Клим уже третий год помогал деду и бабке.

Разбредшееся по песчаной подкове пляжа стадо дремало. Коровы, отдохавшие после пасьбы, лежали, лениво пережевывая редкие клочья зелени, выбивавшейся из под сыпучих

плавунов. Заходя по колено в парившие струи, они протяжно мычали и пили, подрагивая кожей от укусов, вившихся над ними оводов.

Насаженные только что наловленными живцами закидухи, Климентий расставил у кромки ближайшего ивняка, вплотную подступавшего к воде.

Невидимый за урезом противоположного берега трактор, двигаясь по покосу, негромко тархтел, заглушая стрекот кузнецов-кобылок, со шелканьем выскакивавших из-под колких прибрежных лопухов и долго летевших, распутив фиолетовые с бордовыми подкрылками крылья. Скошенная еще утром трава, начавшая подсыхать к полудню, источала запахи душистого сена. Горьковатый аромат зверобоя, мешаясь с пряностью чабреца и донника, кружил голову.

Стадо выгоняли рано утром, еще по росе, когда двор переполнялся запахом раскрывавшихся поутру золотинок огуречного цвета. До обеда оно паслось в пойменных лугах, а когда солнце припекало, скотина тянулась на Коровий пляж, где не спеша пила воду и отдыхала до вечера.

Можно искупаться, поставить немудреные снасти, поймать щучку – другую. Иногда, особенно когда собирался теплый летний дождик, попадались небольшие, ладные сомята. Рыбу, натертую росшим неподалеку диким чесноком, тут же пекли на костре, нанизав на тонкие ивовые прутки. Ничего вкуснее, с тех пор, Михалыч не пробовал.

Послышался топот. Из-за отлога берега, местами скрытого приземистыми куртинами ветел, показался всадник. До него было довольно далеко. Колеблемая полуденным ветерком трава скрывала его по брюхо, так что казалось, что он плывет по зацветшему от водорослей пруду. Глаза различали только то, что скакун под ним белесого цвета, с едва заметной золотинкой, мерцавшей вокруг неясным лучистым ореолом. Конник приближался. Стало видно, что его сопровождает свора каких-то мелких собачонок.

Скрывшись ненадолго за бережиной, наездник выехал на приплесок...

Дальнейшее Клим запомнил смутно.

Седок оказался улыбчивой молодухой лет двадцати, голышом сидевшей на лосе. Увидев его, Климентий с удовлетворением понял, что это не явь, а сон, и, переведя взгляд на голые, широко раздвинутые на тучном крупе лесной скотины ляжки, между которых пушилась темная копешка лобка, приготовился к приятному просмотру. Однако, что-то было не так. Несмотря на то, что лесавка была хороша и телом, и лицом, ее заголенные прелести вызвали у него не желание вступить с ними в немедленный контакт, для исследования добротности их исполнения, а стремление бежать, спрятаться под каким-нибудь раскидистым лопухом, впрочем, не слишком далеко, чтобы не потерять их из виду. Невольно он попытался осуществить это намерение, однако отяжелевшие ноги не позволили сделать ни шагу. Климентий остался стоять, глядя на явившееся ему чудо природы с открытым ртом и столь забавным выражением физиономии, что сонная дива расхохоталась. Впрочем, смех этот не показался Климу обидным, и его желание смыться тут же развеялось.

Он шмыгнул носом, и даже, набравшись храбрости, провел ладонью по шерсти ее «коня», проверяя байку, что тот покрыт золотой пудрой, которую, если повезет, мокрой ладошкой можно насобирать полную склянку, обычно бравшуюся с собой для соли.

Деваха, заметя поползновение парнишки, развеселилась еще больше. Вздохматив холку животного, приподнявшись в седле и перегнувшись так, что между ее разведенными бедрами Климентий увидел голубой треугольник неба, зазолотившимися ладонями она крепко огладила его по щекам, груди и животу, мигмом покрывшихся пятнами белесовато-желтой изморози. Волна мелкой дрожи, прокатившаяся по телу, вызванная ее «подарком», смутила Климентия, сразу же заставив забыть о золоте.

Между тем, представление продолжалось. Рядом с лосем носилась стая зайцев, которые, как ртуть, брызжа по сторонам неровными скачками, через каждые несколько метров останав-

ливались, вставали на задние лапы, лупя друг друга, а потом бурно совокуплялись, в экстазе страсти издавая странные звуки, подобные тонкому конскому ржанию. Почему-то это совсем не удивило Климентия.

Несмотря на размеры, лось оказался не страшным и почти безрогим. Лишь небольшие, округло заканчивавшиеся рожки, наподобие жирафьих, выступавшие из черепа, располагались параллельно земле, чуть ниже ушей. Лось негромко трубил, чудно выгибая верхнюю губу, казалось смеялся в лицо Климу, будто приятелю по общей забаве.

Ничуть не стесняясь наготы, молодуха соскочила и, улыбаясь, взяла Клим за руку. Ее рука была горяча. Жар покатился по телу, сдавил грудь, перебил дыхание, наполнил виски тягучими ударами крови. Даже без зеркала Климентий понял, что его лицо, шея и даже плечи стали пунцовыми. Ладонки, напротив, застыли, сделались холодными и будто деревянными, перестав слушаться. Рот наполнился слюной, лишив его дара речи. Пришлось сделать усилие, чтобы ее проглотить, что, впрочем, ничуть не облегчило его состояния.

К своему ужасу он почувствовал шевеления внизу живота, какие бывали у него, когда на сеновале, подсвечивая фонариком, он открывал картинки из заветного журнала, вымененного у шурина за старенький скрипучий велосипед без одной педали. Он был готов провалиться сквозь землю.

Однако молодка, видя его замешательство, только хохотала, ничуть не смущаясь того, что может привлечь внимание посторонних. А зрители уже собирались. Несмотря на пелену, заставшую взор, Климентий заметил соседскую рыжеволосую девчонку – его ровесницу, во все глазищи тарашившую на них из-за прибрежных кустов. Впрочем, Клим знал, что так и положено.

Он понял, что от избытка ли солнца, напекшего голову, или еще по каким причинам, стал участником действия, о котором в селе ходило множество баек, передававшихся из поколения в поколение. Их шепотом рассказывали старушки и многократно потом повторяли подростки и дети, валяясь в сумраке сенных сараев, дополняя истории многочисленными и занятными подробностями.

Это был выход Мокушки – речной богини. Он случался раз в год и происходил всегда в одном месте – на Коровьем пляже, там, где в более крупную Мокшу впадала совсем крохотная лесная речушка Лосьма. Он почитался деревней, жители которой испокон веков считали его праздником – торжеством плодородия. Если он проходил удачно, Солнечный Лось покрывал стадо, коровы приносили здоровых телят, хорошо доились, целый год выменем и копытами не болели. Если парень умел угодить нимфе, река изобиловала рыбой, дожди шли регулярно, сено и рожь урождались в избытке, куры неслись, а коршуны и вороны не таскали деревенских цыплят. Кроме того, под конец, лесная девка давала избраннику маленький туесок с «ягодным грибом» – закваской для сурьи, которую все еще варили в их деревне.

От парня требовалось одно – не противиться. Наяда знала свое дело. Она обдывала его споро и с выдумкой, оставаясь с парнем до заката. Правда, хлопец потом не сразу приходил в себя, обычно неделю – другую отлеживаясь на сеновале. Но это – малая плата за благоденствие общины.

А чтобы совсем уж не пасть от истощения плоти, малому требовалось в присутствии нимфы до самого вечера не проронить ни звука. Иначе дело могло кончиться плохо. Впрочем, до этого доходило редко.

Проспав пару суток и оправившись от нагрузок, любимец богов все забывал и удивлялся рассказам сельчан о своих недавних похождениях, впрочем, долго еще оставаясь в их глазах героем и желанным участником деревенских посиделок.

Можно по-разному относиться к этому деревенскому поверью. Пришлые смеялись, вертя пальцем у виска. Однако местные знали, что в деревне издавна не держали быка и не нанимали осеменителей. Несмотря на это, телята рождались исправно...

Они получались как на подбор. Рождались только телки, какого-то особого насыщенно коричневого цвета, на редкость ладные и здоровые. Когда приходило время, они телились, не болея, частенько принося двойню, давали удивительно жирное и вкусное молоко. Их никогда не пускали на мясо, а распродавали по родственникам и знакомым из соседних деревень вдвое дороже обычных. Несмотря на цену, очередь на этих телят занимали загодя, за два – три года.

Проснувшись, Михалыч не сразу опомнился, еще переживая перипетии случившегося. Сердце стучало, руки тряслись. Он долго не мог понять, был ли этот сон плодом его воображения перевозбужденного эротическими картинками ночного инета, или все еще лежавшие в ладонях древние игральные кости извлекли на свет глубоко запрятанные воспоминания его далекой юности. Так или иначе, такой эротики даже в реальной жизни он никогда не испытывал. И ладная, совсем не малая задница, и прочие притычки его подружки еще маячили перед глазами. Владеть этим податливым богатством, окатывавшим его теплыми зазывными волнами, было приятно. Как ни пытался, он не мог выпустить доставшиеся ему владения из рук, которые, казалось, теперь уже вечно будут бродить по этим амброзическим кушам.

Климентий долго пытался переложить свои впечатления на бумагу. Образ Речной богини, как живой, еще стоял перед ним. Та беззаботно смеялась, стреляла глазами, бесстыдно показывала нагие тела, радостно подмечая следы своего женского могущества, все более различимые на теле Климентия.

Однако, как ни старался, он так и не смог написать ни строчки. То ли ему не хватило опыта, то ли она сама была против, и ее колдовство предназначалось лишь ему одному.

«Что же, – подумал он, – будет время, напишу роман – Речная богиня.., золотые небесные Лося.., блудливые зайцы, сбивающие с пути незрелых деревенских девок; одноглазые злодеи с большой дороги своею многотрудной, извилистой судьбой, пытающиеся постигнуть, кого они любят больше – бога ли небесного, поросят на вертеле или сладкомясых доярок, в растущих за фермой ракитовых кустах; клады, зарытые под Чертовым камнем, заговоренные на кровь младенца; страшная-престрашная Черная собака – ужас ночи и тому подобная дребедень.

Когда-нибудь потом, когда дойдут руки».

Глава 6

На следующей неделе работа закипела.

– Николенька! Как считаешь, мне как «сказку» писать, – Михалыч, сидя за планшетом, задумчиво смотрел на экран: – Сплошным текстом или по пунктам? С упором на сюжет или на варианты? Я думаю, сначала на варианты. Чтобы и дизайнер, и программист сразу включились в работу.

Например: варианты сюжета, которые предлагаются на выбор пользователя – босс – секретарша, султан – гарем, клиент – бордель, пират – пленница и т.д.

Предположим, клиент выбирает гарем – предлагаемые варианты – турецкий, арабский, мормонский, театр графа Шереметьева, какие еще там бывают?

Дальше выбирает клиент, к примеру, гарем турецкий. Определяемся с эпохой. Допустим, XV век. Дизайнер может начинать работу над интерьером.

Да, забыл, игровое меню. Из него клиент выбирает девушек, возраст, национальность и т.д. (фотографии прилагаются). Их количество будет увеличиваться по мере наработки контента.

Потом я разрабатываю стандартный сюжет с вариациями. Например, сцены: 1. знакомство с гаремом; 2. танец жен во дворце султана или пир с вышеуказанными женами (пикник на пляже, купание в бассейне), или что еще можно придумать на радость мальчикам; 3. затем секс – с кем, как, на чем, и т.д.

Пишу, собираемся, утверждаем, устраняем замечания. Дизайнер и программист могут начать работать. Периодически собираемся, нужные моменты согласовываем.

Вслед за этим, я делаю детализацию каждой ситуации. Например, гарем японский, женщин 5, бассейн. Купание, переходящее в секс.

Тут от меня потребуются подробный сценарий с максимальным количеством деталей.

Например – Япония, бассейн главаря якудзы. Небольшого роста, плотного телосложения, мохнатый, с животом, тявкает как собака. У него самого и его жен, папа-мама самураи. Старшая жена, сестра и тетка сидят на шезлонгах у бассейна и следят, чтобы младшие жены, ублажая мужа, трахались с энтузиазмом, соблюдая обычаи клана Хураюма, в соответствии с квалифицированными требованиями подготовившей их секс школы Пиздояма (существует в Киото с 16 века) для самурайских жен (8 лет подготовки, включая 5 летний курс владения искусством сокращения мышц живота и влагилица), а также с использованием полного традиционного набора (42 предмета) для его удовольствия.

Все это станет воплощать дизайнер и ты, как программист. Моя задача, чтобы клиента проняло до костей. Чтобы он к нам и на следующий день пришел, а потом еще и еще, пока не умрет от истощения, или не спустит деньги, которые имеет. И хорошо бы, чтобы он жену свою выгнал, дабы с нами не конкурировала! Фирштейн?

С тебя коньяк. Половину твоей работы я только что сделал.

– На счет жены ты не прав! – Николай покачал головой:

– Ее не выгонять нужно, а привести в женское отделение. Мужу спокойно, жена при деле, до мужа не домогается. Что еще нужно для семейного счастья. А нам денежки с обоих.

Немного помолчав, он уточнил:

– У нас что, и японки будут? Где я их возьму для оцифровки? Из русских они не получатся. У них и морды плоские, и ноги короткие. На нормальный скелет их не навешаешь.

– Да, вопрос справедливый, – согласился Литератор.

– Не нужно японок. Может и до них дело дойдет когда-нибудь. Начнем с гарема турецкого. Туда всех поместить можно. И беленьких, и черненьких.

Утрата японок не слишком огорчила Михалыча, однако его интересовал еще один вопрос:

– Цифроваться, как я понимаю, будет не только внешность, но и, как бы это выразиться, душа или личность. Ведь это возможно?

Ник поднялся, разминая затекшую спину:

– Чего же тут невозможного. Ты и сам знаешь. Комп планируется нормальный, мощей хватит. С другим и смысла возиться нету. Энцефалоаналитическое оборудование тоже можно арендовать. Правда, есть большое но. Аппаратура сканирует алгоритмы работы мозга и кратковременную память, так как она «электрическая», а вот долговременную память не берет – у нее другие механизмы. Девки у нас выйдут не глупые, но совершенно пустые. Память, а стало быть, и личность придется набивать вручную. Набивать буду я, а вот выдумывать ее придется тебе.

– Это меня и беспокоит. И с какого возраста эту память прикажешь фантазировать? Всю ее несчастную жизнь сочинять? С пеленок? А ведь потребитель всего этого не увидит, ему это на фиг не нужно!

С другой стороны, память нужна. Баба же должна знать и уметь рассказать клиенту, как она дошла до жизни такой, что попала в бордель.

Нельзя ли запрограммировать так, чтобы память начиналась, ну скажем, незадолго до завязки игровых событий. А предыдущая история исчислялась бы компьютером по мере необходимости, так сказать ретроградно, используя единый алгоритм и набор базовой информации.

На мой взгляд, для экономии моих и ваших сил, виртуальное «время» в игре нужно «сделать» таким образом. Мы выберем некую 0 точку, подобную началу нашей эры, от которой время, виртуальная история и память пойдут вперед, как и в нормальном мире. Этой частью

дамской биографии мы их обеспечим. А вот ранее этой точки, «памяти» вообще не будет до того момента, пока она не потребуется.

Если же она понадобится, то программа ее пусть сконструирует сама. Но не от начала к концу, как в реале, а наоборот, от конца к началу, и уже потом развернет ее в нормальное положение и «подклеит» к 0 точке.

Если, к примеру, придется рассказывать, как там ее трахнули в первый раз (спросит клиент, как у Толстого в «Воскресении», или еще где, не помню точно), то в этом случае компьютер пусть сам сочинит рассказ из набора готовых вариантов. К примеру, кто там у нее первый – Филя Кукоров, бельгийский дипломат, племянник, или откинувшийся с кичи Вася Зубатый.

Потом, таким же образом, комп подберет ответы на вопросы – когда, где, как и так далее.

Выбор мы сделаем случайным, чтобы не повторяться. Можно учесть и предпочтения клиента. О них мы узнаем, хитро составив меню. Возникшую «историю» мы занесем в память девушки.

Таким образом, «историческое время» в игре от 0 станет двигаться в обычном направлении, а «до» нуля отсутствовать, до того момента, когда оно не потребуется. Затем программа как бы подклеит его к 0. Таким образом, мы получим «переднюю» и «заднюю» историю. «Задняя» история будет виртуальной вдвойне, и сделать ее можно не вручную, а с помощью алгоритма.

– Какую бредятину ты несешь, Клим, – Программист поморщился. Ему казалось, что в последнее время в его мозгах и так уже образовались мозоли, а тут еще приходится разговаривать с дилетантами.

– Впрочем, мысль твоя понятна. Какой-то резон в ней есть. Как программист могу сказать, что по своей лени ты уловил одну из проблем компьютерных игрушек. Все они или не имеют истории, или имеют конечную историю. То, что ты предложил, в принципе может сделать ее бесконечной, продлить до черти каких пределов без особой затраты вычислительных ресурсов и напряжения персонала.

Но, напомню тебе, мил человек, что мы делаем не игру про динозавров, а порнушку. Чтобы сделать бабки! По быстрому! Мы не занимаемся теоретическими изысканиями. Нам не нужна длинная история! Наши девки будут молодыми!

– А ты посчитай, дорогой, – Литератор, по давней привычке, начал загибать пальцы, продолжая давить на Николая.

– Двадцать девушек нужно? Нужно. А лучше, больше. Вариантов, с налету, я выдал сколько? 4 в первой степени – гарем, бордель и пр., и 4 во второй – русский, французский и т.д. Это уже 320 биографий, которые должны отличаться друг от друга. Их, мало того что нужно придумать, а еще и забить в комок! Мне уже и сейчас дурно это представить. Тем более, что эта работа почти не видна в итоге.

А ведь количество вариантов должно множиться и вглубь, и вширь. Это наша фишка, суть, которую мы предлагаем рынку. Наше конкурентное преимущество!

– Ладно, ладно. Боров ленивый, – Николай поморщился, понимая, что в предложении Литератора есть резон.

– Я подумаю на досуге. Но сильно не рассчитывай. В одном месте выиграешь, в другом проиграешь.

И займись своим делом, литератор хренов. Опции, сюжеты, детали! Завтра же чтобы что-нибудь изобразил. Да похудожественнее, так, чтобы и у нас выиграло, и инвесторам было что показать!

– Не бойсь, выиграет, лишь бы Алка выдержала!

Глава 7

Пользуясь известностью среди экологов, Максим, как ни старался, не смог найти средств для продолжения исследований, в то же время как коллеги, более адекватно усвоившие нравы

научного истеблишмента, без труда собирали сотни тысяч, а иногда и миллионы долларов на работы вроде: «Влияние выжигания лесов Риу-Бранку на баланс парниковых газов в южном полушарии».

Пытаясь добиться признания своих теорий, Макс сблизился с зеленой тусовкой в Берлине, которая, в последнее время, набирала немалую силу, хотя и там его мысли разделяли только те, кто не имел отношения к официозу или бизнесу.

Однако, идеи были понятны многим. Макса, как своего, приняли в анархистском крыле зеленых. С цифрами в руках он доказывал, что при трансконтинентальных перевозках ущерб океану, наносимый крупнотоннажными судами, тысячекратно превосходит стоимость самих грузов и выгоды, которые получают его непосредственные участники.

Океан представлялся ему общечеловеческой ценностью, долю в которой, по факту рождения, имеет каждый житель Земли. Транспортные компании, делая вид, что получают доход от «бизнеса», на самом деле разграбляли эти богатства.

Видя нежелание цивилизованного общества не только бороться, но и обсуждать эту несправедливость, анархисты приняли манифест – «Ius omnis» – «Право каждого» утверждавший, что взимание «экологического налога» с морских перевозчиков, является неотъемлемым правом человека. Документ провозглашал – гражданин любой страны мог самостоятельно решать, как защищаться от грабителей и взыскивать компенсацию за нанесенный ему ущерб.

Еще во время учебы Максим создал конструкцию беспилотной лодки, которая могла бывать в самых интересных морях, служа для наблюдения и изучения подводного мира.

Подобного рода малогабаритные аппараты существовали довольно давно. Вояки применяли их в качестве передвижных разведывательных платформ. Используя эту схему, Максим постарался создать максимально дешевое, полностью автоматизированное устройство, не требовавшее присмотра и доступное любому обывателю.

В основу проекта он взял стандартную 200 литровую металлическую или пластиковую бочку, ценою в 15 евро, для уменьшения сопротивления, с обеих сторон снабдив ее коническими обтекателями. Лодка двигалась ветром, имела короткий жесткий парус из прочного пластика, похожего на вогнутое перо. В сложенном состоянии он плотно прилегал к стенке бочки, поднимался и занимал нужное положение по ветру с помощью небольшого электродвигателя. Фотоэлектрическая панель, вмонтированная в корпус, и ветровой генератор заряжали аккумулятор, снабжавший помпу балластной камеры, воздушный компрессор и крохотный компьютер на базе смартфона, вполне достаточный для связи, спутниковой навигации и управления парусами. Камера того же девайса, дополненная несложным оптическим приспособлением, служила инструментом для наблюдений.

Лодка могла длительно находиться в автономном плавании и погружаться на 15–20 метров. В дешевом исполнении цена такого аппарата не превышала 300 евро.

По заказу Макса изготовили два таких шаттла. Первый прослужил около месяца, прошел 200 морских миль, пока не попал под форштевень рыбацкой лодки где-то в районе Гибралтара. Второй продержался полгода, вышел в Индийский океан и затерялся между Цейлоном и Андаманским морем.

Когда зеленые приняли скандальную декларацию, он в шутку предложил свою студенческую разработку для воплощения этой затеи.

Будучи человеком некроважным, Максим занимался экологией без остервенения, скорее чтобы придать смысл не обремененному заботами существованию. Рекомендуя это устройство, он имел ввиду, что вереницы раскрашенных «бочек» будут устраивать демонстрации в портах, обращаясь к совести грузоперевозчиков и создавая небольшие проблемы для судовождения.

Когда, показав слайды своего детища, он представил эту идею высокому анархистскому сообществу, оно (сообщество) весело расхохоталось. Очевидно, что даже если эта неказистая

мечта третьеклассника удержится на плаву, любая проплывающая мимо посуда считает своим долгом утопить такую бочку.

Однако, когда кто-то, шутя, предложил поместить туда торпеду, смех затих. Многим из присутствующих стало понятно, что пара килограммов тротила с контактным взрывателем и простенький китайский гранатомет, снабженный десятком кумулятивных боеприпасов, могут превратить эту игрушку идиота в инструмент отправления народного правосудия.

Аппарат мог быть собран в любой велосипедной мастерской от Найроби до Луанды из брошенного автомобильного лома. Для практического воплощения проекта требовалась лишь отработка каналов вывода денег, полученных от «экологического сбора», да организация дополнительных средств электронной навигации на случай, если правительства перекроют существующие глобальные и региональные системы.

Глава 8

Вечером следующего дня, закончив работу, потягиваясь, чтобы размять затекшую от долгого сидения спину, Ник подошел к Михалычу:

– Есть чем похвастаться?

По выражению лица Литератора он понял, что тот не в своей тарелке, стесняясь предложить свои тексты «публике».

– Давай, давай, не менжуйся. У всех бывает в первый раз.

Литератор, нехотя достав флешку, вставил ее в комок и открыл текст.

– Не ругайся. Я только начал. Проба пера, так сказать. Еще не привык к этой теме, да Алке не показывай.

– Ладно, не бойся. Свои же люди, – рассудительно пробормотал Ник, пытаясь успокоить приятеля. Надев для важности очки, он прочитал:

Статус игры: бордель.

Статус клиента: начальник борделя.

Локация: Франция, Аквитания, полуразрушенный замок на вершине холма, заросшего густым, колючим кустарником. 1942 год.

Имение, вернее то, что от него осталось, было старинным. Замок построен в те времена, когда от него требовалась защита и безопасность, а не комфорт. Высокие стены из грубо отесанных блоков заросли плетями дикого винограда.

Единственный вход проходил через ветхого вида, но еще крепкий, некогда бывший подъемным мостик, переброшенный через ров, на дне которого темнела вода, покрытая ряской и крупными листьями водяных лилий. Настил врос в окружающий грунт, его массивные цепи провисли и были обвиты зелеными гирляндами вьюнков, украшенных белыми, синими и бордовыми цветами.

Хозяева поздних времен сохранив, насколько возможно, старинные стены, возвели трехэтажный, роскошный когда-то, флигель и многочисленные хозяйственные постройки. Строения примыкали к старой части замка, служившего теперь их декоративным преддверием. Посетители, проходившие сквозь нагромождение замшелых камней мрачного и грозного сооружения, невольно испытывали почтение к его боевому прошлому и некоторую робость.

Во исполнении приказа от 09.09.1939 г. рейхсминистра внутренних дел об обустройстве оккупированных территорий, в замке решили создать пункт отдыха для высшего офицерского состава западных округов немецкой оккупационной армии. Командование сочло, что для поддержания работоспособности этих, уже немолодых, людей в условиях физических и моральных нагрузок военного времени, требуется регулярная психологическая релаксация.

Командиром подразделения назначили майора медицинской службы Ганса Мюллера.

Мюллера мобилизовали в самом начале войны. Довольно долго он служил хирургом в армейском госпитале. Однако, после осколочного ранения в руку и общей контузии, получен-

ной во время африканской кампании в районе Бенгази, он не мог оперировать и в последние месяцы командовал одним из тыловых госпиталей.

Через полгода службы он получил приказ возглавить вновь образованное подразделение.

Мюллер пытался отказаться от этой должности. Но времена не располагали к церемониям, и ему предписали как можно скорее прибыть к месту нового назначения и приступить к исполнению обязанностей.

Мюллеру недавно исполнилось 53 года, он имел приземистую пивную фигуру, обильно покрытую рыжими вьющимися волосами, с крупным животом, выступавшим из-под ребер.

До войны на правах вольнонаемного он работал хирургом в небольшом военном госпитале, расположенном в захолустном баварском городке, хотя и числился штатским. В те годы жизнь его протекала размерено и спокойно. Профессия давала относительный достаток, позволяя вести не слишком стесненный образ жизни, однако вялый темперамент не способствовал развитию авантюрных свойств его натуры, и развлечения были просты и однообразны.

Когда-то давно он был женат. Но семейное счастье продолжалось недолго. На третьем году супружеской жизни, вернувшись со службы, он не обнаружил своей половины. Жена ушла и больше уже не возвращалась. Лишь через пару лет письмом она попросила его дать развод, чего он и сделал. Других женщин в его жизни не было, во всяком случае, таких, о которых стоило бы вспомнить.

Мюллер не то чтобы сторонился дам, однако жизнь складывалась так, что он практически не контактировал с ними ни на службе, где большинство коллег и пациентов были мужчинами, ни в быту. Свободное время он проводил в кругу приятелей за кружкой пива в ближайшем кабаке, болтая о политике и футболе.

В молодости отсутствие подружек доставляло определенные неудобства. Проблему он решал, отправляясь в соседний городишко – чуть больше его собственного, имевший 2 борделя. Однако в последние годы и эти заботы не слишком донимали Мюллера. Случайно встречаясь с девицами, он чувствовал себя не в своей тарелке, не находил тем для разговора и старался улизнуть от них как можно скорее.

Поэтому, получив задание возглавить публичный дом, Мюллер испытывал полное недоумение по поводу того, как взяться за дело. И нужно сказать, что во всей стране не нашлось бы человека, менее приспособленного для этой задачи.

Когда, по прошествии нескольких месяцев, через новых приятелей, имевших немалые чины и возможность узнать великое множество государственных секретов, он пытался выяснить причины, по которым это назначение досталось именно ему, те только смеялись, утверждая, что это и есть самая большая загадка истории их великого государства.

Тем не менее, исполняя воинский долг, Мюллер вступил в должность и взялся за организацию борделя. Прибыв к месту службы, он окунулся в нескончаемую суету организационных и хозяйственных проблем.

К работе майор отнесся педантично, как и к другим обязанностям. Он ознакомился с соответствующими разделами уставов и инструкций, однако ясности по многим аспектам предстоящей работы не получил.

Помимо проблем материального характера, предписания вменяли ему в обязанность «вербовку, оценку профессиональной пригодности и обучение рабочего персонала». Нужно ли говорить, что Мюллер понятия не имел, как подступиться к решению этой задачи. Приказы об этом умалчивали.

Имеющиеся инструкции были скупы и немногословны. Они регламентировали деятельность солдатских и офицерских борделей среднего звена действующих войск в пределах фронтовой и прифронтовой зоны. Ни о чем, подобном тому, что поручили организовать Мюллеру, в них не упоминалось.

Его заведение находилось в весьма отдаленном районе, где оказалось невозможно найти вольнонаемных женщин высшей расы, которые, согласно инструкциям, были предпочтительны для подобного рода работы. Поэтому персонал разрешили формировать из представительниц местного населения.

Это путало все карты. В первом случае девицы уже имели бы «санитарный билет», пройдя необходимые процедуры. Однако во Франции такой практики не существовало – этим ремеслом могла заниматься любая. Назло Мюллеру. Он счел это варварством, верхом неорганизованности.

Подобного рода проблем возникало множество. Педантичный от природы Мюллер, почти 30 лет посвятивший себя хирургии, где каждое действие регламентировано многочисленными предписаниями, рекомендациями и инструкциями, оказался в полной растерянности.

Однако, на его запросы войсковое начальство из штаба округа раздраженно отвечало, что особенности работы подчиненного ему медицинского учреждения находятся в сфере его – майора медицинской службы Мюллера – компетенции, и морочить этими проблемами это самое начальство – не следует.

Когда же, после долгих поисков, консультаций и тяжких размышлений Мюллер попытался советоваться со своими армейскими приятелями (в немалых чинах и с большим служебным опытом), которые, по его мнению, должны разбираться в этом вопросе, те только гоготали и рекомендовали поставить подчиненных в 39 позицию и перетрахать с пристрастием. С серьезным видом они добавляли, что если он не справится, чтобы звонил им. Они приедут и помогут.

Время показало, что они были правы. Их помощь понадобилась и оказалась неоценимой.

Несмотря на ущербность, действующие инструкции определяли, что Мюллер имеет право принимать на службу вольнонаемных женщин соответствующего возраста, ростом не ниже 175 сантиметров, отвечающих «арийскому показателю» (светлые волосы, голубые или серые глаза и т.д.) при условии, что они, по своим внешним данным, были годны для подобного рода работы. Оценивать степень пригодности претенденток также входило в обязанности Мюллера.

Казалось, что хотя бы в этом отношении майор мог быть спокоен. Однако на практике все оказалось не так просто. Во время краткой аудиенции, которой его удостоил командующий, тот указал, что в связи с высоким рангом и далеко не юными годами обслуживаемых кадров, а также территориальной удаленности округа, делающей невозможным укомплектовать персонал в соответствии с действующими предписаниями, он должен ориентироваться не столько на рекомендательные пункты инструкций, сколько на предпочтения, приписанного к его заведению контингента.

Он наделил его подразделение (как и многие другие части административно-хозяйственных служб расквартированных войск), правом выдавать удостоверения личности со слов претендентов, если документы были утеряны, а работник, из числа местного населения, принимался на службу, поскольку тот «своим поведением доказывал, свою готовность служить во благо его родины».

К удивлению Мюллера, Франция, которую он считал страной не столь уж и дикой, буквально кишела людьми без документов. Евреи, поляки, немцы, голландцы, бежавшие из Германии и оккупированных стран, не успевшие уехать за океан, десятками тысяч перебивались на запад страны, где немецких войск было меньше, чем в центральных и северных округах. Риск депортации в Германию, чего боялись эти люди, тоже был меньше. Многие из них, перебираясь через границы, уничтожали паспорта из-за национальности, фамилии или по каким-то другим причинам.

Здесь же проживало множество русских из первой волны эмиграции, юридическое положение которых было не лучше.

Все они не имели прав на постоянную работу, обучение и медицинское обслуживание, перебиваясь случайными заработками, уличной торговлей и проституцией. Они бы отдали все, чтобы получить надежные документы, позволявшие избавить их семьи от риска депортации и легализовать свое существование.

Как только в газету небольшого городка, расположенного неподалеку, было дано объявление об открывшихся вакансиях, претендентки потянулись в приемную майора. Некоторые приезжали за десятки километров, чтобы попытать удачу. Их оказалось немало.

Далее следовало многоточие.

Глава 9

Прочитав текст, программист снял очки и посмотрел на Литератора. Он испытывал двойственные чувства. Нельзя сказать, что прочитанное – очевидно плохо. Однако он ожидал чего-то другого. Действие должно было происходить динамичнее, эмоционально насыщеннее, вести к сексу, за которым к ним явится клиент. Казалось, что литературщина новоявленного сочинителя, с одной стороны – явно избыточна, с другой, в ней многого не хватало.

Хотя, нельзя не признать, что автор использовал психологически достоверную, хотя и довольно затасканную фабулу. Узнаваемость сюжета, впрочем, не столько вредила, сколько играла на руку заведению, позволяя использовать широкий спектр аллюзий инетовского порно в постерах и заставках. К тому же, с конечного момента текстового фрагмента игровое действие, в желательном для клиента темпе, переходило из сферы психологической в сферу физиологии со стандартным набором действий и аксессуаров, которые предлагались игровым меню. Дальше авторское сопровождение не требовалось, и дизайнер мог проектировать игру вплоть до ее логичного завершения.

С этого момента сценарий мог развиваться по нескольким вариантам сюжетных линий, давал выбор посетителю, если тот еще не готов был к переходу к завершающей фазе или хотел каких-то других изысков.

Все это без малейших проблем можно было конвертировать в игровую реальность. Литературные нюансы текста находились в рамках вполне допустимых пределов авторской фантазии. Они могли быть легко исправлены под человека, обладавшего иным вкусом, без изменения основного сюжета, что опять-таки расширяло вариативное поле игры и возможности клиентов. В том, что и данный вариант сценария найдет потребителей, сомневаться тоже не приходилось.

По всему выходило – несмотря на то, что Программист ожидал чего-то другого, Михалыч справился с первым заданием. Николай попытался сделать комплимент Литератору, одобрив его творение, но так и не смог этого сделать.

Собравшись с духом, он, наконец, решился высказать свое мнение:

– Относительно твоего опуса. Для работы пойдет, но получилось тяжело, тягомотно, для очень узкого круга любителей. Хотя какая-то извращенная изюминка в этом есть. Текст больше подходит для порноромана. У нас же другой формат. Но, если сократить раза в 3–4, убрать совершенно лишние детали, в качестве первой пробы пойдет.

В дальнейшем, от тебя хотелось бы более простых и универсальных ситуаций, которые устроят максимальное число клиентов.

– Спасибо, дорогой, за критику, за ласку, – Литератор сделал вид, что обиделся, хотя и вздохнул с облегчением видя, что его творение не вызвало безоговорочного отторжения.

Несмотря на то, что еще недавно ему казалось, что нет ничего проще, чем выдумывать эротические сцены, он долго мучился, пытаясь отобразить их на бумаге. Он начал с «Босса и секретарши», набросав не один десяток вариантов. Однако ни один из них не получился больше, чем на полстранички, и не удовлетворил его авторского самолюбия. Климентию казалось, что создаваемые им образы должны состоять не только из обнаженных телес и готовых к бою половых органов, но и демонстрировать индивидуальность участников, отображать хотя бы простенькую историю процесса, интригу развития и его перспективы.

Его же творения получались как под копирку. Различные «боссы» тискали своих секретарш совершенно одинаково. Сцены отличались лишь последовательностью раздеваний, позами, да набором мебели, на котором происходил этот «производственный процесс». Кресло, диван или журнальный столик – вот и все разнообразие, на которое оказалось способно его воображение, хотя еще совсем недавно оно представлялось ему живым и креативным.

Как Литератор ни старался, никакой психологической подоплеки из этих ситуаций он извлечь не мог. Ни босс, ни его спецсотрудница просто не могли иметь биографий. При всем старании Литератора, они не липли к ним и «висели» словно одежда на пугале, не имея отношения к описываемому им проявлению трудовой гигиены. Правда, подобного рода эротика неплохо получалась у него в форме картинок и комиксов. В процессе исполнения своих обязанностей, секретарши на них выходили вполне аппетитными. Сочетание ухоженного полубнаженного тела, стоящего на коленках на журнальном столике со специфически-официозным выражением лица его обладательниц действовало вполне определенно, в нужном ключе. Но сколько подобных картинок уже висело на сайтах инета, не принося ощутимого дохода их создателям? Выразить же все это словами в форме готового сценария у Климентия не удалось.

Сюжет с майором Мюллером, несмотря на неоднозначность темы – первый, в котором он смог воплотить свои представления, хотя и понимал его затянутость, несовершенство и несоответствие выбранному формату.

Оценивая его работу, Николай почти дословно воспроизвел то, что Климентий знал и сам. Однако он надеялся, что тот все же обнаружит и литературные достоинства его труда, который, хотя и не соответствовал поставленной задаче, но отражал его дарование.

– Спасибо друг! Ты знаешь, как поддержать автора, придать ему вдохновения.

Однако Николай не хотел идти на поводу у приятеля, желая до конца прояснить свое понимание проблемы. Он слишком долго ждал результата его работы. Испытав разочарование, он усомнился и в общем успехе предприятия, которое целиком было завязано на творческом потенциале Климентия.

– Судя по завихронам, которые присутствуют в твоём тексте, нам нужно подумать о целевой аудитории, составить психологический портрет клиента и, в дальнейшем, на него ориентироваться.

Программист открыл жестянку колы и сделал пару глотков:

– Думаю, что прежде к нам пойдет мелкая школота. Как и рассчитывал Феоктистов. Согласен? – Николай подыскивал слова, чтобы лишний раз не задеть Литератора. Он видел, что его селезенка все еще не встала на место.

– Так вот, для нее не нужны никакие изыски. Максимально быстро к телу.

– Думаю, ты заблуждаешься, – Михалыч засопел, по привычке загибая пальцы, чтобы ничего не забыть.

«Математик, блин!» – глядя на него раздраженно подумал Ник.

– Во-первых, – продолжил Литератор, – я бы не стал так уж ориентироваться на школоту. Сегодня она совсем другая. Не думаю, что порнушка для них так же интересна, как в наше время. У них и живого порно навалом. Что им наши картинки.

– Но в целом я все же согласен, школота пойдет, слов нет, хотя может быть не в том количестве, как мы бы хотели. Но, кроме нее, к нам должны прийти и другие, это:

1. Задроты, все свободное время проводящие за компами. Они и не подумают отойти от экрана из-за каких-то там баб. А мы вот тут, рядом.

Однако задроты уже излазили весь инет, знают и могут сравнить все возможные ресурсы. Завлечь и удержать их – проблема. Простой, незамысловатой порнушкой их не заманишь.

2. Инфантилы. До 40 лет живущие при маменьках, которые для них никак не соберутся подобрать жену. Однако завести их не так уж и просто! Чтобы хотя бы в виртуале они решились подойти к бабе! Нужно придумать такое!!!

3. Забитыши. Люди с низкой самооценкой. Неуспешные, небогатые, с малым сексуальным опытом. На нормальный бордель у них денег не хватит. А поклеить кого-нибудь самим им реально сложно.

Эти будут требовательны к качеству, искать чего-нибудь позаковыристей. Они хотят не просто физиологического спаривания, но и психологической подоплеки, которая позволит, хотя бы в игре, повысить самооценку. И мы дадим им такую возможность.

4. Рафинады. Успешные, утонченные, в молодости всего попробовавшие. Для них и реальный бордель, и живая женщина – явления грязные, недостойные. А вот к нам они придут и пропишутся, если им угодить. Но одной физиологии для этого мало.

5. Ну и конечно извращенцы всех мастей. Но им опять-таки нужен не столько секс, сколько «праздник души», который мы им устроим. Вот такова наша целевая аудитория. Я так думаю.

Как ни странно, но аргументы Михалыча показались Нику разумными. Действительно, их аудитория могла быть гораздо шире, чем ему казалось.

– Теоретик хренов! – Программист улыбнулся, он радовался, что они ушли от обсуждения не слишком удачного текста:

– Слова – то какие знаешь. Рафинады! Блин. А ведь я с тобой соглашусь, пожалуй. Убедил. Изощрайся.

Примерно через неделю, когда стали появляться первые наработки, встал вопрос о привлечении дизайнеров, поскольку картинки и видеоряды должны были стать необходимым, если не главным продуктом творчества их команды. То обстоятельство, что мужчина любит глазами, никто не отменял, поэтому визуальные предметы мужских фантазий следовало как можно скорее воплотить в виртуальном мире проектируемого борделя.

Поскольку объем этого рода работ планировался большим, решили принять сразу двух специалистов.

Продолжительное время вращаясь в околокомпьютерных кругах, компаньоны знали, что среди дизайнеров существуют две группы умельцев такого рода.

Специфика первой состояла в том, что они произрастали из IT-тишных спецов, выбравших оформительство как форму работы с компьютером. Они обладали неплохой цифровой квалификацией. Однако их художественная составляющая обычно была не слишком высока. Владея графическими редакторами, на основе нарытого в инете контента они могли делать неплохие фоновые изображения, интерьеры, постеры и тому подобную продукцию быстро и в большом объеме. Но чего-то оригинального ждать от них было невозможно.

Вторая разновидность дизайнеров приходила в эту сферу из лиц с художественным дарованием, обычно окончивших художественную школу или даже училище. Они прекрасно владели карандашом, обладали вкусом и фантазией. Могли создавать настоящие произведения искусства но, как правило, не слишком дружили с компьютером, испытывая сложности в реализации проектов в цифровом пространстве.

Поскольку требовались два дизайнера, фирма решила привлечь к работе по одному представителю каждой разновидности с тем, чтобы взаимно компенсировать их недостатки и умножить достоинства. Решено было также, что они будут разного пола, чтобы внести струю мужского и женского эротизма в художественный компонент их проекта.

Наведя справки, они пригласили Вику и Глеба. Представительницей технологического направления стала Вика – стройная, утонченная брюнетка 26 лет, выше среднего роста, даже если не стояла на каблуках, что, впрочем, случалось довольно редко, с гладкой прической из

туго натянутых волос, скрепленных на затылке. Несмотря на стесненные материальные обстоятельства, одевалась она исключительно в одежду дорогих европейских брендов, преимущественно пепельных тонов.

Глеб, 29 лет, не казался красавцем, довольно высок, хотя и несколько корявого телосложения, имел тонкое, чуть конопатое лицо, всклокоченные жесткие кудряшки непослушных волос странного белесоватого цвета. По слухам, имел непростой характер, однако считался многообещающим художником, обладавшим собственным стилем, хорошей техникой и богатой фантазией.

Так как постоянной работы по их специальности в городе не было, жили они, выполняя частные заказы. Однако, клиенты попадались не часто, заказы были грошовыми и редкими. Поэтому, предложение поработать относительно продолжительное время над крупным, по масштабам этого городка, проектом показалось заманчивым. Однако, когда выяснилось, что работать предстояло в борделе, хотя и виртуальном, энтузиазма у них убавилось.

К удивлению команды, услышав о предложении участвовать в кастинге девушек, Феоктистов не только отказался заниматься этим сам, но и запретил делать это всем остальным членам группы. Он дал категорическое распоряжение туманить изображения половых органов во всех компьютерах фирмы.

Отвечая на удивленный вопрос Литератора о причине столь бурной реакции, он объяснил, что в противном случае они дадут предлог правоохранительным органам для проверок их деятельности. С огромным энтузиазмом, годами они будут заниматься вымогательством, а потом передадут этот бизнес детям и внукам.

Внимательно выслушав объяснения Николая о том, что создание цифровых моделей все же необходимо и выступает в качестве основы программ, которые помогут анимировать любые, соответствующие теме изображения, он распорядился, чтобы процедуру кастинга и съемок предварительно проработали с его юристами, а затем проводили в их присутствии.

Оцифровку провели быстро. Арендовали оборудование, заключили договоры с двумя десятками девиц из танцевальных кружков и секций по художественной и спортивной гимнастике.

Девушки, одетые в темно-синие обтягивающие костюмы с ярко-желтыми линиями топографической разметки, скрывавшие тело от пяток и до затылка, выполняли заранее отрепетированные комплексы упражнений, фиксируясь в позах и позициях по списку. После чего они еще несколько минут танцевали, по собственному выбору, то, что умели. На этом процедура заканчивалась и давала достаточно материала.

Сделанная на основе этих оцифровок программа позволяла распознавать на фотографиях части тела, изменять их расположение и приводить в движение. Это программное обеспечение давало возможность задействовать все порнографическое богатство интернета. Дизайнерам оставалось только контролировать этот процесс, направляя его в нужное русло.

Глава 10

Поздним вечером Алла и Николай сидели дома, на диване. В углу негромко бормотал телевизор. На экране очередные приближенные к кормушке полудурки орали друг на друга по поводу Украины.

– Дурной народ мужики, – подумала Алла, – Если бы они обсудили, почему азербайджанские гранаты и виноград в Киеве стоят в два раза дешевле, чем в Рязани, мозги у них может и прояснились бы. По одному этому показателю можно рассчитать коэффициент коррупции в регионах до второго знака после запятой.

Впрочем, при таких зарплатах как у тех, кого показывают по телевизору, цены на продукты, наверно, не имеют значения.

Алла тихонько тронула ногой бедро Николая, пытаясь обратить на себя внимание.

– А может быть и наоборот, – Алла продолжила мысль, – возможно именно тем, кто соглашается плевать на цены, как и на прочее, что творится вокруг и платят такие зарплаты. Я бы тогда тоже на все наплевала.

Ник дремал после напряженного рабочего дня, не обращая внимания на жену.

– Послушай, дорогой, – Алла перешла к активным действиям.

– Я краем уха слышала, что в вашем борделе время идет задом наперед. Это меня взволновало.

– Не знал, что проблема времени так возбуждает женщин, – Николай не особенно радовался тому, что его вернули к жизни. Однако по опыту знал – если жена завела разговор, уклоняться бесполезно.

– Ты плохо нас знаешь! Нет ничего другого, что так сильно заводит женщин. Время волнует их даже больше, чем мужики! Если бы ты, хоть чуток, научился поворачивать его обратно, тебе не нужен был бы публичный дом со всеми этими козлами похотливыми.

Все бабы мира каждый день приходили бы на твой сайт и сидели бы там суткам, чтобы хоть немного помолодеть.

– А что, идея неплохая, – Ник зевнул. Он всегда поражался тому, что жена находила такую точку зрения, которая ему не пришла бы в голову.

– Когда мы займемся борделем для женщин, – Ник стал развивать идею Аллы, – сделаем опцию математического омолаживания. Лет 10, 20, 30 сбросим, кому сколько потребуется, подправим дефекты, подкрасим. И красотка сможет зайти в игру не в маске какой-то другой бабешки, а в собственном образе, только лет на 20, а то и на 50 моложе. Думаю, эта идея пойдет на ура. Молодец, Аллочка!

– Еще бы, – отозвалась жена. Помолчав, она продолжила елеиным голосом:

– Как ты думаешь, дорогой, заработала я сегодня немножко бабосиков, раз я такая умная?

– Думаю, женским отделением борделя мы займемся не скоро. Так что с бабосиками тебе придется подождать.

– Я так и предполагала. Вот и мечи бисер перед свиньями. Не оценят! Впрочем, проблема времени возбудила меня не как женщину, а как бухгалтера. Что будет, если клиент заплатит деньги, а время пойдет в другую сторону? Как отразить мне это в финотчетах? Как скажется это на твоей зарплате?

– Успокойся, речь идет о виртуальном времени, а отчеты и зарплата находятся в реальном. Они друг с другом не связаны. Эти проблемы тебя совершенно не касаются. Это математические и логические хитрости для упрощения программы. Время в игре можно повернуть хоть в ту, хоть в другую сторону.

– Какой ты умный! Меня хоть убей, но я не пойму, как время может идти в обратном направлении.

– Скорее не время, а история.

– Блин! Похоже, я еще глупее, чем думала. Чем отличается время от истории? Как они могут идти в разных направлениях?

– Если интересно, расскажу.

– Давай рассказывай, вкратце. Я не могу себе позволить в такой степени не понимать, чем занимается мой муж, за что он, да и я тоже получаем деньги.

И кстати, милый, если ты действительно думаешь, что реальное и виртуальное время не связаны, то ты сильно ошибаешься, это даже мне очевидно.

– Ну да, да, конечно связаны.

Николай так и не смог привыкнуть к тому, что жена обладала способностью менять свой образ в процессе разговора, чем иногда бесила его до белого каления.

– Всегда говорил, что легкая дебильность девушку не портит, в то время как многая мудрость создает большие проблемы для ее половой жизни.

Мне можно продолжать, мудрейшая?

Николай задумался о том, как объяснить жене работу механизма развертывания истории в виртуальном мире. Если честно, он и сам до конца не понимал его. С подачи Михалыча, он сделал с десятков вариантов программ, практически вслепую играя с параметрами, пока одна из них не заработала более или менее адекватно.

Собравшись с мыслями, он начал:

– Так вот, проблема в том, что в нашем меню много девушек. Каждая из них должна иметь хотя бы простенькую биографию.

– Зачем им биография. Им титьки нужны, длинные ноги и все, что между ними.

– Ну, не скажи, – поработав немного в этой сфере Ник, в целом, согласился с мнением Литератора, поскольку убедился, что сами по себе и сиськи, и письки надоедают так быстро, что сохранить к ним сколько-нибудь продолжительный интерес (а именно эта задача стояла перед конструкторами борделя), было совсем непросто. Предусмотренные природой механизмы, хотя и работали, но даже при небольшом перенапряжении давали сбои и зачастую направляли интересующую фирму активность совсем не в том направлении, которое положено человеческой натуре. При желании заработать на этом бизнесе, зову природы следовало помогать. Именно в этом Ник видел сегодня свою задачу.

– Не скажи, – продолжил он прерванную мысль, – личность тоже необходима, иначе роботы японские вас, дур, уже давно бы вытеснили.

– А они и вытеснили почти. И стоят в десять раз дороже. А если бы столько не стоили, человечество бы уже и вымерло. Только ты чего-то теряешься.

– Это по убогости, – вздохнул Николай, – бедность не позволяет. Приходится довольствоваться тем, что по карману. Вот поработаю в борделе, денег поднакоплю, да заменю тебя на что-нибудь силиконовое.

Ну и, кроме того, дорогая, ты забыла об извращенцах. Кто о них бедненьких позаботится? Кроме нас?

– Ладно, ладно, – Алла засмеялась, поощряя и задабривая мужа, – хватит болтать, рассказывай.

– Я и рассказываю, а ты перебиваешь.

Николай в очередной раз попытался собраться с мыслями:

– Так вот, даже нативных девушек в нашем борделе много, а уж дериватов вообще не считано. Каждая должна иметь биографию.

– Стоп. Что биография нужна для извращенцев, до меня дошло. А что вот такое нативная девушка и дериваты? – Алла картинно наморщила лобик, глядя на мужа с деланным восхищением.

– Нативная девушка это... Представь, что я тебя сфотографировал и поместил фото в меню борделя. Это будет нативная девушка Алла. Понимаешь?

– Спасибо, конечно, за доверие. Но поняла я пока не очень. Наверно мне действительно нужно работать в борделе, а не в компьютерной фирме. Впрочем, я в нем и работаю! Так сказать, два в одном. Как бухгалтер, а теперь и как проститутка! Ах время, время! Куда я попала! – Картинно заключила она и замолчала.

Лицо ее стало задумчивым и одухотворенным. Увидев это выражение, Николай лихо-радочно стал вспоминать свойства времени, вытекающие из общей теории относительности, боясь, что супруга продолжит обсуждать эту скользкую тему. Она вполне могла это сделать.

Однако ее мысли сменили направление:

– Как ты думаешь, кто должен получать больше – бухгалтер или проститутка? – спросила она, и добавила: – Впрочем, это неважно. Я же теперь работаю на двух ставках? И должна получать обе зарплаты! Дорогой, ты не против?

– Нет, конечно, душа моя, трудись, сколько хочешь, на радость мужу, – с облегчением произнес Николай, – но сейчас я объясню, что ты работаешь не на 2, а на 28 ставках, и радости твоей не будет предела.

Представь, пришел клиент. Девушка Алла ему в целом понравилась, и он ее выбрал. Но захотел он ее не в качестве пустой и болтливой современной особы, которую кроме денег ничто не интересует. Ее если и трахнешь – она даже не проснется, а только побормочет: «Это ты, Альбертик?» и повернется на другой бок.

– Не ври, не было такого.

– Так вот, девушка Алла клиенту понравилась, – продолжил Ник, – но захотел он эту Аллу использовать в качестве морально устойчивой рабыни Изауры из Луизианы начала 19 века (которую, как он помнит по сериалу, сначала нужно полгода уговаривать, а потом выпороть розгами и оттрахать на рояле при всей дворне), или утонченной графини де Хрентилье – Французской, аристократки из 16 века, или гражданки Италии конца 20 века, случайно попавшей в Мексиканскую темницу, где, в процессе игры, тот служит охранником.

Все это – производные, то есть дериваты девушки Аллы, с ее лицом и телом, но в других обстоятельствах, в других нарядах и интерьерах и им, соответственно, нужна другая биография.

Ты поняла меня? Замечательно.

Нативных девушек много, а дериватов тысячи. Всем им биографии, то есть их «историю», вручную не придумываешь. Нужно создать алгоритм, который мог бы наштамповать историю хоть миллиону баб. Такой алгоритм я сделал.

Я объяснял тебе, что при сканировании и оцифровке у девушек, помимо внешних данных, считывается кратковременная память? Она работает на основе межнейронных связей, сопровождается электрическими импульсами. Однако, долговременная память, которая содержит биографию девушки, устроена по-другому, и не читается нашими приборами. То есть свою «историю», позже вчерашнего дня, наша виртуальная модель не помнит в принципе. Для нас это очень удобно.

Клиент спрашивает:

– Как ты лишилась невинности? Классический древний бордельный вопрос, теперь, конечно, не слишком актуальный, но все же включенный Литератором в список для любителей поговорить. Таких, как показывает статистика, в бордель приходит немало.

Естественно, она понятия не имеет. А отвечать нужно. Полагается. Помогает машина, которая на основе алгоритма перебора, заранее предложенных вариантов и механизма случайной выборки строит ее историю.

Работает это так. Когда посетитель приходит в бордель, он открывает меню. Девушек – сотни, перебирать их фото долго, но можно выбрать по параметрам. Сначала, обычно, определяются с возрастом – предлагаются варианты: от 18 до 100 (в соответствии с законодательством). Открывается сотня фотографий, выбирается бабенка, и начинается игра.

Именно на этом этапе мужчина и спрашивает свою сиську относительно невинности. Ей нужно отвечать, а она позабыла. Памяти то нет!

Дальше программа работает сама, разрабатывая историю этого события. Сначала перебираются варианты ответа на предмет «с кем». Например, – брат, сосед, артист, футболист, насильник и т.д.

Случайная выборка выдает – сосед.

Соответственно, активируется следующий набор вариантов, адекватный «соседу», типа: заманил, напоил, завалил; или

защитил от хулиганов, а она ему...; или
мама в ночную смену, света не было, было страшно...; или
мамы не было, кран сломался, она его позвала и попросила... и т.д.

Случайно выбранный ответ порождает включение следующей выборки и так далее. Таким образом, 6–7 этапов последовательных стандартных выборок обеспечивают биографиями какое угодно количество баб.

Например: пошли в поход, красавчик вожатый, предложил посмотреть как падают звезды, а ночи в августе холодные, естественно, что они замерзли... Далее следует переход в стандартное окончание.

Все это конструирует программа на основе набора прилагающихся формулировок. Таким образом, «делается» история. Задом наперед от 0 даты. После «сотворения», она как бы подклеивается к памяти, и телка теперь знает, как стала женщиной. Это влияет на каскады других выборок, если в том возникает необходимость, в связи с вопросами клиента.

Например, клиент задает вопрос (он же извращенец), когда и как она начала предохраняться? Соответственно: от вожатого залетела, почистилась, и уж потом от греха... и т.д. По тому же принципу будет построена новая легенда, которая с момента подклейки, к уже имеющейся памяти, станет ее реальной историей.

Таким образом, формируются не только сама память, но и компоненты виртуального мира, с нею связанные. Если в ее истории имелся насильник (согласно сыгравшим выборкам), то его образ программно активизируется, и он продолжает жить в игровом мире. В зависимости от случайного программного выбора или предпочтений клиента, он может превратиться:

в хозяина, торгующего девушкой; или
в ее сутенера; или
в ревнивца, убивающего ее любовников;
или еще в кого-то, кого придумает Литератор с его живой, извращенной фантазией.

Если в ее жизни существовал диван, на котором она развлекалась с однокашниками, то его образ «материализуется», и в последующей истории существует и как объект виртуального мира, и как образ протокола ее памяти. То же самое, с гинекологическим креслом, на котором ей делали аборт, с набором хирургических инструментов и т.д.

Вот такой, коленкор. Теперь нам не нужно писать 10 000 биографий и строить интерьеры, которые могут никогда и не понадобиться. Михалычу хватит полдня, чтобы придумать эти выборки.

Теперь тебе понятно, дорогая?

– Не совсем. Меня интересует еще один вопрос.

Алла изящно, как ей казалось, передернула плечиком и осведомилась у мужа:

– Кто мне заплатит за Мексиканскую темницу?

Николай понял, что его жене абсолютно плевать на виртуальное время. Она завела разговор, чтобы пообщаться. Повод же, для издания звуков, не имел для нее ни малейшего значения. Почти не удивившись, что она провела его в очередной раз, Ник прикрыл глаза, попытавшись вернуться в объятия морфея, но, не рискнув прервать разговор на середине, вяло пробормотал:

– Так, клиент же, дорогуша, клиент. Именно он платит за все. Как и во всех других борделях!

– А мне кажется, это ты мне должен!

Алла вовсе не собиралась отпускать мужа в эти самые морфеевы объятия. На него у нее были другие планы. Она надула губки:

– Кто меня туда засунул? Ты! А мне отдуваться!

– Да нет кошечка, наоборот, это я заберу у тебя половину гонорара. Потому что без темницы на тебя никто бы не позарился. А придумал ее Литератор, а цепи тяжкие нарисовал Глебушка, а программу сочинил я. Так что готовься со всеми нами делиться.

– Да уж, с вас получишь. Козлы и есть козлы, молока не дождешься, одна только сперма. Но, подумав минуту, томно добавила:

– Ну и как же я буду рассчитываться сегодня? В темнице? Или как рабыня Изаура?

И действительно, этой ночью она расплатилась сполна, с воодушевлением и большой самоотдачей. Она с энтузиазмом побывала в качестве итальянской, французской и луизианской подданной и очень огорчилась, когда Николай объяснил ей, что итальянский и мексиканский сериалы идут в одном комплекте, и по отдельности он их не потянет.

Счастливо засыпая, уже сквозь дрему она подумала, что надо бы подсказать Михалычу, чтобы у владельца Изауры оказалась хотя бы пара-тройка приятелей.

Глава 11

Нужно отметить, что многие представители зеленого собрания имели живую, кипучую натуру. Десяток из них с энтузиазмом взялись за воплощение идеи Максима, и уже через пару месяцев несколько «бочек», как на русский манер их назвали с легкой руки Макса, спустили в океан в паре километров от берега в районе Могадишо.

Первые из них прослужили недолго. Рулевые кораблей не обращали внимания на плавучий мусор и не особо высматривали его по курсу. Однако, несколько взрывов, повредивших с десятков торговых судов и потопивших пару местных рыболовецких баркасов, быстро свели на нет эту беспечность.

Уже через месяц капитаны торгового флота знали о появлении в море новой заразы, взрывающейся при контакте, повреждая форштевень или даже топя столкнувшееся с ней судно. Новоявленная морская мерзость была почти незаметна в волнах, поэтому избежать столкновений было непросто. Особенно ночью.

Однако постепенно рулевые стали внимательней и предпочитали далеко обходить это дьявольское отродье, признав его право на существование.

Процесс пошел. Несмотря на тихоходность, на участках интенсивного судоходства каждая посудина ежесуточно оказывалась в пределах выстрела у нескольких достаточно крупных кораблей, которые обнаруживались слегка переделанными китайскими эхолотами для любительской рыбной ловли. В автоматическом режиме она выходила на связь и требовала оплаты за проход.

Процесс протекал быстро. «Бочка» выдавала стандартный запрос, и если судно не успевало перечислить деньги на указанные счета, пока не выходило из зоны обстрела, оно получало выстрел в борт и отверстие в районе ватерлинии. Помимо не слишком приятной дырки в корпусе, выстрел приводил к выделению обильной копоты, проникавшей в самые мелкие щели грузовых трюмов и необратимо портившей десятки тонн грузов. Потребовалось немного времени, чтобы капитаны и судовладельцы стали предпочитать относительно небольшую плату диким экологам, срыву контрактов по доставке и не дешевому ремонту. Что же касается танкеров, то выбора у них не было. Они горели. Усовершенствованный кумулятивный заряд с легкостью прошивал двойную обшивку их корпусов.

Производимые в африканских мастерских бочки стоили копейки и окупались за одну операцию. Курсируя в районе африканского рога, Ормузского и Баб-эль-Мандэбского проливов, они приносили доход в 300% ежемесячно.

Их количество росло в геометрической прогрессии. В течение первых месяцев, тарифы на морские перевозки выросли втрое, но и тогда не окупали затраты судовладельцев. Страховщики прекратили выплаты премий. Транспортные компании и порты стояли перед угрозой банкротства. Резко возрос спрос на сухопутные грузоперевозки.

Начавшаяся борьба с новой угрозой не дала существенных результатов. Расстрел почти незаметных, болтающихся меж волн бочек с самих кораблей, тоже раскачиваемых морем, был невозможен. На первых этапах эффективными оказались минные тральщики, которые утюжили места скопления, подрывая плавучие мины своими прочными корпусами. Однако после

того, как относительно крупный фугасный заряд заменили на несколько более мелких, кумулятивных, в магнитных корпусах, тральщики перестали вступать в контакт, получая множественные пробоины после каждого соприкосновения. Расстрел на высоких скоростях оказался малоэффективен. Если же тральщик ложился в дрейф, то сам становился мишенью для обстрела стаи соседних бочек.

Уничтожение с беспилотников тоже не давало удовлетворительных результатов. Это вооружение стоило в сотни раз дороже самих лодок и не могло применяться массово. К тому же, посудины стали комплектовать средствами противодействия воздушной угрозе. Поскольку для этого требовалось вооружить лишь одну-две бочки на стаю, дополнительное оборудование не привело к их существенному удорожанию. Примерно то же произошло и со специально натренированными дельфинами, которых пиндосы пытались приспособить для этих целей. После несложной модернизации устройства (установили датчики движения с функцией самоподрыва), дельфинов надолго не хватило, и процесс продолжился.

Постепенно сеанс взаимодействия «свободных экологов» и грузоперевозчиков развивался таким образом, что те, предпочитая не искушать судьбу, стали оплачивать «экологические сборы», а большинство посудин перестали комплектоваться вооружением, лишь имитируя опасность. Одной «серьезной» лодки на десяток пустых оказалось достаточно, чтобы поддерживать уже сложившийся имидж.

Множество мелких мастерских в африканских городах и поселках, названия которых невозможно отыскать на карте, получили работу на многие годы. Конструкция стала столь простой, что пара малограмотных рабочих из бывших в употреблении металлических или пластиковых емкостей могли изготовить 2–3 агрегата в течение рабочей смены. Из компонентов, помимо старой, уже использованной бочки, самыми сложными были – «мозги» и связь в виде полуфабриката китайского смартфона за 10 долларов, старый автомобильный аккумулятор, пара электродвигателей от стеклоподъемников, водяная помпа от стиральной машины, да воздушный компрессор для подкачки автомобильных шин.

Все это и остальные мелочи можно извлечь из любой, погибшей от старости Тойоты или Хендая. Вместе с работой, где-нибудь в Болгарии или Вьетнаме, изделие обошлось бы меньше ста долларов за штуку. Изобретательные же африканцы ухитрились производить эту продукцию не только бесплатно, но еще и получая доплату за утилизацию мусора.

Невольно являясь автором этого проекта, Максим стал авторитетным человеком в мире зеленых и анархистов, хотя и с трудом избежал уголовного преследования.

Глава 12

– Как идет разработка сценариев?

Николай подошел к Михалычу и похлопал его по плечу. Литератор сидел, развалившись в кресле, задрал ноги на журнальный столик. Он ожесточенно тыкал пальцами в кнопки планшета, находящегося у него на груди. Судя по выражению лица, он находился где-то там, в своих грезах и пытался излить их в строчки экранного текста.

– Я закончил с базовым софтом и могу начать работу над игровыми программами – Николай еще раз похлопал по плечу приятеля, пытаясь привлечь его внимание: – Для этого нужны тексты, картинки и прочая сопроводилка. Что-то я их не вижу!

– Есть, есть! – Отозвался Литератор, – листочков пятьдесят накарയാбал. Вариантов 10–15 уже могу предложить. Вот, знакомься.

Он передал Программисту стопку бумаг, заполненных мелким текстом и множеством рисунков – опорных точек будущих раскадровок:

– Будут замечания, обсудим, исправим.

– Ты что, – удивился Николай, – все еще с бумагой работаешь?

– Да нет, в основном с экрана. Но чистовую отделку делаю на бумаге. Так я лучше текст воспринимаю. Хочешь, бери флешку. Кстати, если мысли появятся какие-нибудь эротические, не стесняйся. Я с удовольствием включу их в сценарий.

– Хорошо, коллега, поделюсь, – Николай задумался, припоминая, когда последний раз у него появлялись подобного рода мысли, но вспомнить не смог. Да и мысли эти у него бывали простыми, короткими и совсем не интересными.

– А флешка или бумага – мне до лампочки.

Все же он выбрал флешку, вставил ее в разъем и открыл заставку. На экране появилось синее южное море, чуть заметный у горизонта остров с пальмами, склонившимися над водой. Хриплый голос запел: «Наклонившись к воде, парусами шурша, бриг двухмачтовый лег в развороте...».

Нетерпеливо ткнув кнопку, Николай перешел в сетинг.

Игра: Пираты Карибского моря.

Статус клиента: капитан пиратского корабля.

Локация: Карибское море, бриг «Счастливая Долорес» водоизмещением 140 тонн, 1756 год.

24 июля 1756 года. Пиратский парусник. 40 головорезов. Полгода в море.

«Счастливая Долорес» двое суток преследовала трехмачтовый торговый шлюп. Утром третьего дня она подошла к нему на расстояние броска абордажных крючьев. Бой был коротким и яростным. 6 человек из команды убиты в схватке. Четверо ранены. Двое из них тяжело. Их быстро и безболезненно добились товарищи. Мертвецов буднично отправили за борт, скороговоркой прочитав короткое шанти, подходящее для такого случая.

Как оказалось, груз взятого на шпагу судна, состоявшего из незатаренных бобов, зерна и маниоки не представлял интереса для пиратов, вызвав у них приступ злобного разочарования, нередко случавшегося в столь длительных и не слишком удачных походах. Медлительное, 400 тонное судно ни продать, ни использовать было невозможно. Забрав спиртное, провизию, невеликие ценности, принадлежащие команде, они незамедлительно потопили его, залпом в упор из трех орудий левого борта, вместе с оставшимися в живых матросами и пассажирами – мужчинами.

Несколько женщин подняли на борт «Счастливой Долорес». Нестройной кучкой они столпились у фок-мачты. Рядом с одной из них, которой вероятно было за 30, стояла совсем юная девушка, лет 19, наверное, дочь или сестра или воспитанница.

Франтоватый капитан, испанец или португалец, был невысок ростом и худ так, что щеки его ввалились, натянув кожу на скулах. В отличие от остальных пиратов, он не носил бороду, хотя и не был чисто выбрит. Недельная щетина, в которой причудливо чередовались иссиня черные и совершенно седые волосинки, густо покрывала его лицо.

Его возраст определить было почти невозможно. С равным успехом ему можно было дать и 40, и 60. Кожа лица груба, темна и испещрена множеством глубоких мелких морщин, словно у крестьянина, всю жизнь проработавшего в поле, под палящим солнцем Андалузии.

Однако держался он элегантно, одет в темно-коричневый бархатный камзол и расшитую кружевом рубашку. На боку висела шпага с витой рукоятью, отличавшаяся от грубого арсенала прочих пиратов.

Капитан забрал ту самую, рядом с которой стояла сестра или дочка.

После того как боцман, под одобрительный хохот матросни, втолкнул их в его каюту, он резким окриком подозвал их к себе, поставив там, где в полутемной каюте находилось пятно света, проникавшего через кормовое окно. Несколько минут он молча их рассматривал. Лица женщин были насуплены, глаза слезились от порохового дыма, все еще не выветрившегося из надстройки.

После резких маневров судна, во время абордажа, помещение находилась в полном беспорядке.

Стол завален картами и навигационными приборами. Пузатая бутылка, в такт раскачивавшемуся судну, перекачивалась в лужице темного вина, источавшего запах корицы, перца и каких-то горьковатых трав. Рядом находилась низкая скамья, на которой могло разместиться пять–шесть человек, и пара вычурных кресел в колониальном стиле. Они, казалось, плыли в облаках пороховых газов, все еще струившихся по полу.

У стены поскрипывал, покачиваясь на подвесах, невообразимого размера откидной походный диван, год назад снятый с захваченного самбука мавританского бея. Сапфировый шелк его обивки наполнял каюту таинственным мерцанием, напоминавшим капитану о походном гареме азиата, по соображениям компактности, состоявшим из девиц весьма юного возраста. Несмотря на немалую численность, весь гарем помещался на этом ложе, вздрагивая и вереща чего-то, когда, насаженный на пушечный шомпол, бей раздражался очередным потоком арабских ругательств.

– Приветствую вас на борту «Счастливой Долорес», – произнес капитан таким тоном, словно находился на светском рауте.

– Как зовут дам? – осведомился он.

– Хенни, София-Розина, – поочередно ответили женщины.

За дверью каюты послышался гулкий топот множества тяжелых сапог, а потом женские крики и грубый мужской смех. Капитан поморщился.

– Как проходило путешествие? – тон капитана был галантен.

Однако, в свете сложившихся обстоятельств, его вопрос звучал нелепо и не требовал ответа. Не дождавшись его, капитан продолжил:

– Дамы, вы мой приз с захваченного корабля. Пока я не получу отступного – я ваш хозяин.

Он замолчал, глядя на реакцию женщин. Он еще не решил, что с ними делать.

Пленники чаще всего брались для выкупа, однако этот бизнес не сулил больших барышей.

– Как ты думаешь Хенни, много ли за вас могут заплатить ваши родственники?

У капитана был выбор. Первый вариант заключался в том, чтобы, не имея никакой гарантии на успех, много месяцев ждать денег из Европы. Все это время он должен содержать их на берегу за свой счет, оберегать от других головорезов, что, зачастую, создавало проблемы ему самому. Учитывая, что родственники женщин, вероятно, сегодня убиты, а их имущество захвачено или потоплено, размер, да и сама возможность выкупа вызывали большое сомнение.

Второй вариант – продать их на рынке одного из Карибских островов. Женщины милы и в том возрасте, когда их можно использовать и в качестве прислуги, и для работы на фазенде, или предложить плантаторам в Порт Рояле, Нью-Провиденсе или Галвестоне. Многие из них имели целые гаремы «дам» различных национальностей.

Впрочем, большой ценности эти женщины не представляли. Европейки стоили втрое дешевле негритянок. Англичане тысячами продавали в колонии и своих соотечественников, попавших в долги, занимавшихся бродяжничеством или попрошайничеством. Тоже случалось с шотландцами и ирландцами, захваченными при подавлении восстаний и бунтов, среди которых преобладали женщины, поскольку мужское население, в этих случаях, чаще всего просто уничтожалось. Среди них попадались вполне достойные особи различного возраста, которых вполне хватало для удовлетворения потребностей рынка. Более того, многие из них не находили хозяев, и после аукционов отпускались на «волю», где умирали с голода на пыльных улицах местных селений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.